

КАЛУЖСКИЙ
ОБЛАСТНОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
МУЗЕЙ

ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ И ИСТОРИИ ВЕРХНЕГО ПООНЬЯ

/ ТЕЗИСЫ /

КАЛУГА,
1991

Е. А. ЛЕВНИНА

ПРЯМЫЕ ДОСКИ

**ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ
И ИСТОРИИ
ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ**

Тезисы докладов
4-й историко-архитектурной конференции
в г. Калуге

Редактор А. К. Ларин

КАЛУЖСКИЙ ОБЛАСТНОЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
БИБЛИОТЕКА
Инв. № 25417

КАТЕГОРИИ ОБЪЕКТОВ НАХОДКИ

ВОПРОСЫ АРМЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ

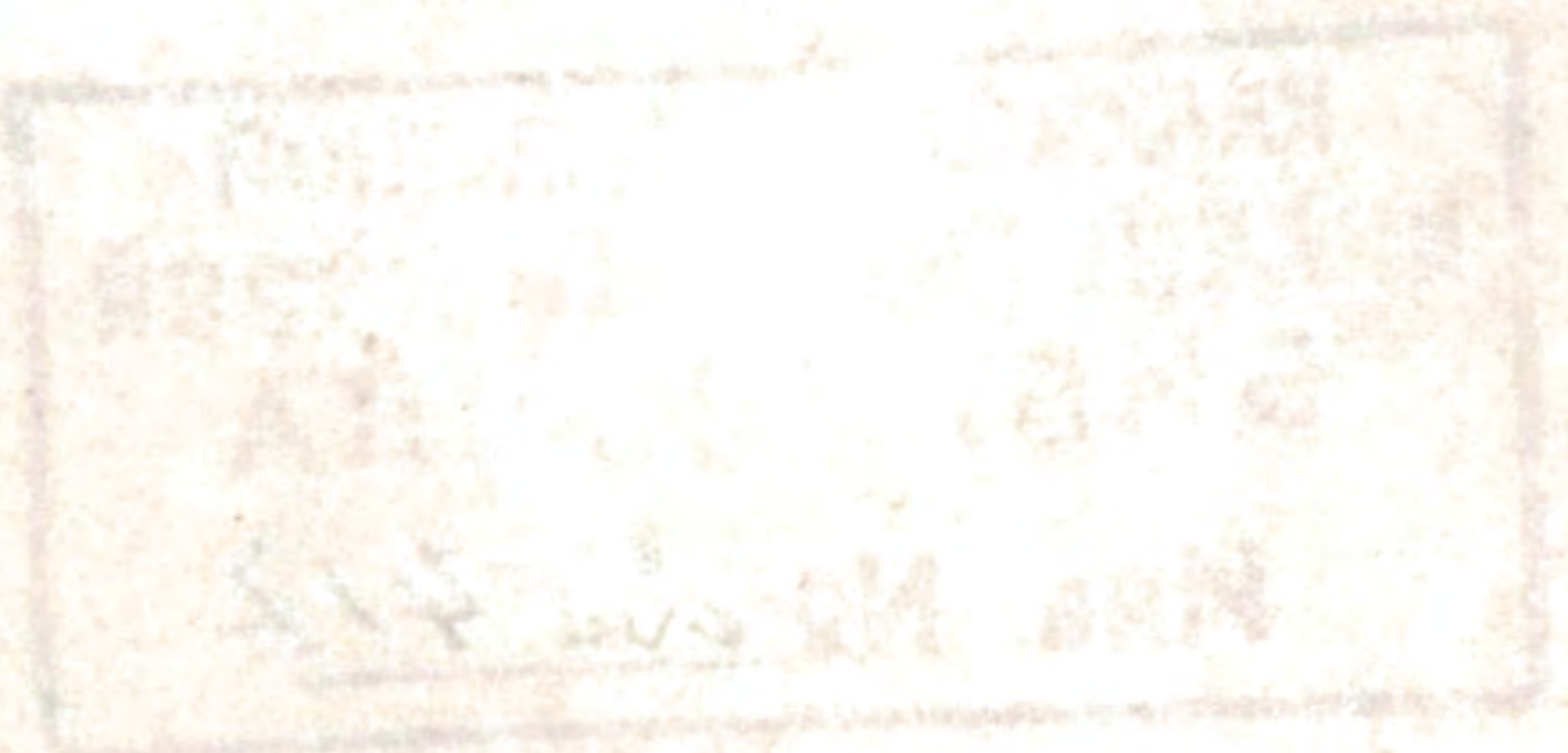
ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

1981 — 1982

НИИ ОБЪЕКТОВ НАХОДКИ

ВОПРОСЫ АРМЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ

ИСТОРИЯ

Е. Б. ЛЕВИНА

ПРЯНИЧНЫЕ ДОСКИ

К характеристикам из музейной коллекции пряничных досок

Возникновение хлеба, пекарского искусства восходит примерно к 5—7 тыс. до н. э. (древняя Месопотамия). Изготовление хлеба, связанное с трудовой деятельностью человека, стало основой его культуры, религии, взаимоотношений с другими народами. В России долго сохранялся обычай «общинной братины» — общей трапезы, где среди угощений обязательно были пряники. Пряник появился в эпоху, последовавшую за открытием великих морских путей, когда из экзотических стран стали привозить пряности, изменившие состав теста. Пряник — восточнославянское слово, происходит от слова «перец», первой пряности, известной в России.

С древнейших времен считали на Руси пряники лучшим лакомством. В старину они были самым распространенным угощением, подавались к столу и на пирах великокняжеских и в стольном городе Киеве, и в палатах московских царей, и в скромной избе крестьянина-бедняка.

Пряничное дело развивалось сначала как домашнее, а потом ремесленное производство. Возможно, сам пряник, связанный с дорогими пряностями, распространился среди городского населения, а потом стал известен в деревне. В XVII—XIX вв. пряничное дело было распространенным народным промыслом. Мастеров, которые занимались пряничным производством, называли прянишниками (отсюда произошла и фамилия).

Форма для отпечатки рисунка на тесте — пряничная доска, штамп — существовала в далекое время. Это подтверждают новгородские находки X—XII вв. Благодаря пряничным доскам мы многое знаем о пряниках.

В древности пряники делали на меду и ягодах, на розовой воде, шоколадные, с вареньем, цукатами, повидлом. Простые пря-

ники были обычно светло-желтые, а медовые коврижки — темно-коричневые. К концу XIX в. пряников в России было более 15 сортов.

Для торжественных случаев пряники выпекали в большом количестве по специальным заказам: «1699 года марта 31 Великие Государи указали дать с казенного двора сахарного дела мастерам 11 человек, чтобы они месили сахарные коврижки к столу для рождения царевича Алексея Петровича».

С пряниками было связано много народных обычаев. Их дарили в знак чести, уважения, любви. Пряник обязательно дарили невесте на свадьбу, а в конце, как знак того, что надо расходиться, давали кусочек пряника. Такой пряник назывался — «разгоня».

На другой день после свадьбы молодожены шли в дом к родителям молодой с пряником, и на него там клали подарки и деньги. Отсюда пошло выражение: «класть на пряник». Иногда считали, что пряники обладают целебными свойствами и помогают в лечении тяжелых болезней и на обратной стороне вырезали буквы, соответствовавшие начальным буквам имен архангелов. В Средней России для штампов использовали такие породы деревьев, как ива, груша, липа, береза, ель. В старину обычно на доске резали один сюжет, и такие доски и пряники различали как фигурные. Их печатали с массивных досок, а изображение после выпечки обрезают по контуру фигуры. Большой интерес представляют почетные доски. Пряники с них отмечают наибольшей декоративностью. Печатные доски нередко украшают дарственные надписи, сделанные полууставом или гражданским шрифтом послепетровского времени.

В Калужском крае производство пряников в XVIII—XIX вв. было широко распространено. Пряники калужские славятся не менее, чем знаменитые тульские. Только в Калужской и Саратовской губерниях пряники нашли неожиданное применение, а именно — в них играли. Во время ярмарок и базаров собирались люди и бросали пряники; для этого брали размером не более 20 см. Выигрывал тот, чей пряник летел дальше всех и, падая плашмя, не разбивался. Бывали среди игравших такие ловкие, что за время ярмарок выигрывали по 15—20 пудов пряников. Играли и по-другому: надо было взять его в руку таким образом, чтобы он от одного удара разломился на 3 части.

Пряничные доски изготавливались из груши, клена, яблони, березы, липы. Способ поступления их в музей в основном не известен. Из сохранившихся актов известно, что 7 досок поступили в 1924 г. от отдела Народного образования Перемышльского уезда.

Интересные доски были переданы в 1922 г. из б. музея им. Рыжечкина «На благое просвещение», четыре из них имеют большие размеры. Доска Кп 334 имеет размер 54 см × 89 см, наборная, скрепляется торцовыми шпонками, с 2 сторон железный обод с заклепками, ковчег глубокий, в центре изображение двухглавого орла. Крупные пряники — это в основном городские, мелкие предназначались для деревенской бедноты.

Древнее происхождение имеет традиция изображать коней, птиц, львов; в орнаменте — круги (символы солнца), ромбы, розетки, сделанные трехгранно-выемчатой резьбой.

Более поздние мотивы — сцены окружающей жизни — дамы, кавалеры, кареты.

Более поздние доски назывались наборными, когда на одной форме располагалось несколько сюжетов одинаковых или разных. На такой доске могло размещаться несколько ячеек-гнезд, называемых «грошевыми». После печатания наборный пряник разламывали, и каждую часть продавали отдельно. Орнаменты похожи на украшения штучных пряников — они состоят из ромбов, квадратов, плетенок, цветов. Резьба на них мелкоузорчатая, выемчатая. Пряничная доска Кл. 346 с многоконтурным изображением «сердца» резными зубчиками, резными чашечками колокольчиков (размер — 12,2 см × 15,5 см. Клен). Пряничная доска Кл. 349 разделена выступающей бровкой на 4 равных прямоугольника. Внутри каждого четыре треугольника, расположенных вершинами к пересечению диагоналей. (Размер 12 см × 17,5 см. Груша).

Кл. 329 — орнамент — пересечение окружностей.

Кл. 330 — изображение солнца в виде небольшой окружности, от которой отходит 28 лучей.

Кл. 345 — изображение петуха, по туловищу — мелкая чешуйчатая резьба, гребень подчеркнут восьмью срезами.

В нашей коллекции доска кл. 355 — двухсторонняя с изображением рыб, одинаковых по форме и по размеру. Голова по форме — треугольная, туловище — мелкая чешуйчатая резьба, хвост выполнен узкими нарезками. (Размер доски — 17 см × 26 см, груша).

Доска кл. 350 — двухсторонняя, на одной стороне поверхность разделена на 4 части, в каждой свой рисунок: 1 — жар-птица, 2 — дракон, 3 — растительная композиция, 4 — резная рамка с надписью внутри: «Григор. Курилин». Это единственная в коллекции доска, где есть имя и фамилия автора.

Большой интерес представляет доска Кл. 377 (размер 12,5 см × 22 см, липа) — двухсторонняя, наборная. Одна сторона — ковчег неглубокий, четкое деление на 4 прямоугольника и в каждом

рисунок растительного и геометрического орнамента. Вторая сторона — ковчег неглубокий, четыре прямоугольника — на одном изображении цыпленка, на 3 — сочетание растительного и геометрического орнаментов. С 2 сторон от ковчега по вертикали фигуры священнослужителей.

Помимо рисунка на городских досках встречаются надписи, сделанные полууставом или гражданским шрифтом послепетровского времени.

Доска кл. 390 — надпись: по периметру «Сия коврижка вяземска». В центре прямоугольник — изображение — 3 сердечка. (Размер 17 см × 26,5 см, липа).

Доска кл. 392 — двухсторонняя. На одной стороне надпись — «Сия коврижка из Мценска», на другой — двуглавый орел. Доска

кл. 388 — двухсторонняя, надпись — $\frac{\text{ГБ}}{1836 \text{ г.}}$ (Размеры 14 см × 21 см, береза).

Есть и такая надпись — «Сей пряник самый медовый, сладкий».

Есть пряничные доски с надписями, но прочитать их нельзя, они ложные, т. е. это просто набор букв. Пряничники знали, что цена зависит от наличия надписи. В коллекции КОКм особенно интересны доски, относящиеся к сер. XVIII в., а пряники этого времени пользовались особой популярностью.

Техника резьбы, характерная для нашей коллекции — мелко-узорная, выемчатая, трехгранная, являющаяся основным и типичным приемом в орнаментации пряничных досок. Все доски в нашем собрании имеют четырехугольную форму.

После революции в нашей стране еще существовало несколько пряничных мастерских, где пытались ввести новые символы и надписи: «Ленин», «Смычка», «Комсомол», «Комиссарский», но они не удержались. Сейчас печатные пряники выпускают в Туле, Вязьме, Воронеже, Городце, Калуге, но современные пряники упрощеннее, схематичнее прежних по средствам художественного выражения.

По-существу, пряник и игрушка — единственные области бытового искусства прошлого, где более всего выявились дарования народных мастеров, сплетавших в своем творчестве древние мотивы языческой мифологии, обряды и обычаи старой русской жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рязановский И. Альбом оттисков ярославских пряничных досок. Кострома, 1914, вып. 8.
2. Званцев М. Русские печатные пряники. «Декоративное искусство», 1963, № 7.
3. Виноградов Н. Пряники. «Декоративное искусство», 1959, № 6.
4. Ефремов Н. Пекарская скульптура. «Декоративное искусство», 1959, № 3.
5. Соболев Н. Н. Набойка в России, 1912.
6. Воронов В. Крестьянское искусство. Москва, Государственное издательство, 1924.
7. Некрасов А. Н. Русское народное искусство. Государственное издательство, 1924.

МОРОЗОВА Т. В.

ЭКСПОНЕНТЫ ОТ КАЛУЖСКОЙ ГУБЕРНИИ НА ПЕРВОЙ ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ

В 1851 году в Лондоне состоялась Первая Всемирная выставка. В основе идеи Всемирных выставок лежали заботы прогрессивных умов о сближении народов, о налаживании взаимного обмена достижениями человеческой мысли и труда. Для реализации грандиозной задачи — собрать под одну крышу изделия промышленности, искусства всех наций — потребовалось небывалое помещение, и в центре Лондона был создан знаменитый Хрустальный дворец длиной 564 и шириной 125 метров в 100 000 кв. метров крытой площади.

Российское правительство в своем «Объявлении», разосланном по губерниям, разъясняло, что «появление русских изделий на Всемирной выставке, где соберутся лица торгового и промышленного сословия всех стран, может послужить к исправлению неверных суждений о состоянии нашей промышленности». В С.-Петербурге была создана комиссия о Лондонской выставке, в Одессе учреждена Южная Комиссия по отправке произведений из Одесского порта в Лондон. В губерниях также создавались комиссии и комитеты. В Калужской губернии Комитет по выставке возглавил вице-президент Калужского общества сельского хозяйства К. И. Сорохтин. 21 мая 1850 г. на совещании уездных предводителей дворянства решили для выставки отобрать предметы исключительно производств Калужской губернии и составили «Опись фактурам заводчиков и фабрикантов на представленные от них предметы для Всемирной Лондонской выставки», а

также приняли решение просить «озаботиться убеждением известных лиц к пожертвованию произведений». 20 августа 1850 г. гражданский губернатор выписывает билет на проезд от Калуги до С.-Петербурга на имя унтер-офицера А. Силаева для командировки с транспортом предметов, собранных в губернии для выставок: Лондонской Всемирной и сельских произведений в С.-Петербурге. Грузы из России были отправлены в Англию морем. В помещении Лондонской выставки для русских произведений было назначено пространство в 10 000 кв. футов, с включением места для прохода. Российская экспозиция имела успех, особо отмечались посуда, уральская платина, меха, ковры, краски.

В «Каталоге российским произведениям, отправленным на Лондонскую выставку 1851 года» указаны от Калужской губернии предметы в количестве 11 мест (от России всего 363 места). В отделе I «Сырые материалы и продукты» в разделе «Химические производства» под № 37, 42 значатся краски с фабрик Брюзгина в Козельском уезде и купца Санина в Калужской губернии. В этом же отделе в разделе «Вещества, употребляемые на фабриках» от губернии представлены под № 179 — калужского 2-й гильдии купца Якова Золотарева с фабрики — щетина 1, 2, 3-го сортов и косица белая и черная; под № 180 — калужских 1-й гильдии купцов Ивана, Алексея и Василья братьев Фалеевых с заведения в Калужской губернии — опушь гагарья, щетина окатка, косица I сорта; под № 220 — 1-й гильдии купца Петра Грибанова с завода в Калужской губернии — хлебные подошвы I сорта. Больше всего представлено предметов от Калужской губернии в III отделении выставки «Фабричные и мануфактурные изделия». Здесь в разделе I под № 263, 264, 265, 266 указано парусное полотно I сорта с различных фабрик губернии, под № 353 — бумага почтовая и писчая нескольких цветов и сортов. В разделе «Изделия из стекла, фарфора, глины... и проч.», под № 378 представлены штабс-ротмистрши Александры Заливской с завода в Калужской губернии, Мосальского уезда, село Милятино изделия хрустальные: графин кругами светлой работы, стакан к нему, бокал, рюмка и еще 6 подобных наборов различной обработки графинов. В этом разделе, кроме названной продукции, от России было представлено всего 4 предмета Императорского фарфорового завода в С.-Петербурге (вазы, пласти) и зеркало из Дерпта. В Реестре изделий калужских фабрикантов, возвращенных с Лондонской выставки, названы лишь несколько пучков косицы и часть парусного полотна. Остальное было продано на выставке.

Пришли в Калугу и награды Всемирной выставки. В коллекции Калужского областного краеведческого музея имеется медаль с надписью на гурте: «призовая на выставке И. Семенову

и А. и В. Фалееву». Калужские 1-й гильдии купцы Иван, Алексей и Василий Семеновы Фалеевы — самые крупные владельцы в губернии скорняжного производства. Им принадлежали также и производства щетинные, веревочные, канатные и рогожные. Медаль поступила в музей в 1920 г. от П. И. Васильевой. Медаль бронзовая, диаметр — 76 мм, автор — Вильм Вийон. На лицевой стороне медали — изображение английской королевы и принца Альберта и надпись, представляющая их. Внизу хронограммой дата — MO CCCL1, инициалы автора. На оборотной стороне — в центре на фоне атрибутов промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры — женские фигуры, олицетворяющие континенты земли. Сидящая «Британия» венчает лавровым венком «Индустрию», вверху текст на латинском языке «От разъединения к согласию и миру». Еще одна медаль в собрании музея непосредственно связана с рассматриваемым событием — медаль в память Международной выставки. Поступила в музей в 1922 г. На лицевой стороне ее изображение «Хрустального дворца», внизу символы изобилия и надпись «Здание Всемирной выставки в Лондоне в 1851 г.». На оборотной стороне текст по всей плоскости медали об этом уникальном сооружении из стекла и металла (на английском языке). В 1936 г. дворец был уничтожен большим пожаром, поэтому медаль интересна его воспроизведением.

Эти две уникальные медали рассказали о замечательном событии середины XIX века — Первой Всемирной выставки в Лондоне в 1851 году, где достойное место заняли изделия калужских предпринимателей.

Б. В. Грудинкин

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАМНЯ В БАССЕЙНЕ р. НЕРУЧЬ

В 1990 г. была обследована группа памятников близ д. Прудки Кировского района Калужской области, относящихся к мезолиту.

Стоянки расположены на мысах и мысовидных выступах правого и левого берегов р. Неручь около устьев небольших оврагов.

Комплекс памятников, в количестве пяти, был подвергнут различной степени обследования: на трех заложены шурфы и собран подъемный материал, на остальных был собран лишь подъемный материал.

Культурный слой стоянок небольшой, 6—15 см, представляет собой супесь светло-оранжевого цвета, перемешанную с мелкой кремневой и известняковой галькой.

Полученный материал немногочисленен и представлен орудиями и отходами производства. Основная масса орудий изготовлена на отщепках. Орудий на пластинах немного. Как правило пластины неправильной формы. Весь материал в целом свидетельствует о том, что пластинчатая индустрия находится в стадии формирования. Часть орудий имеет макролитовидный облик. Лишь на стоянке Прудки-4 найдены следы развития микролитовидной техники.

Материал стоянок Прудки-2 и 5 довольно архаичен по сравнению с материалом стоянок Прудки-1, 3 и 4, что может свидетельствовать об их разновременности. На стоянках Прудки-2 и 5 орудия массивны, пластины ребристые и имеют неправильную форму. Большая часть орудий использовалась без вторичной обработки. Ретушь нерегулярная. На части орудий сохранилась известняковая корка. Орудия на стоянках Прудки-1, 3 и 4 утрачивают массивность, рабочий край тщательно отретуширован, пластины имеют более правильную форму и утрачивают ребристость. На стоянке Прудки-4 найден один микролит и на нуклеусе сохранились следы снятий микролитовидных пластин. Сколы с нуклеусов говорят нам, что на всех памятниках были подпризматические нуклеусы. Крупных форм орудий немного.

Сырьем для изготовления орудий служил кремь из местных моренных отложений. Цвет кремня: черный, серый, коричневый, розовый. Преобладают изделия из черного и различных оттенков серого цвета кремня, особенно на стоянках Прудки-1, 3 и 4. Что может говорить о дальнейшем развитии специализации в изготовлении орудий.

Стоянки на р. Неручь близки к памятникам Верхней Десны, поскольку р. Неручь является притоком р. Болвы, которая впадает в р. Десну.

Материал стоянок имеет сходство с памятниками, относимыми к песчноровской позднемезолитической культуре. Основными чертами сходства являются: неразвитость пластинчатой индустрии, сочетание макро- и микролитической техники и сходный состав каменного инвентаря.

Комплекс стоянок около д. Прудки не имеет каких-либо ярких отличий от деснинских памятников, их также следует отнести к кругу носителей песчноровской культуры. Характер материала стоянок может лишь говорить о различных этапах расселения людей по берегам р. Неручь в эпоху мезолита. Материал стоянок Прудки-2 и 5 отражает ранний этап расселения, материал стоянок Прудки-1, 3 и 4 — более поздний. Немногочисленность материала говорит о кратковременном пребывании людей в этих местах. По всей видимости, это были сезонные лагеря охотников и рыболовов.

НОВОЕ В МЕТОДИКЕ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

1. В настоящее время одна из наиболее острых проблем в археологии — проблема сохранения памятников, как основы дальнейшего развития науки. Археологические памятники, являющиеся банком информации для будущих поколений, уничтожаются в громадных количествах.

2. Причины разрушения древних поселений и могильников разнообразны — естественные природные процессы, строительная и хозяйственная деятельность человека, иные виды антропогенного воздействия. Немалую лепту в этот процесс, как ни прискорбно, вкладывают и сами археологи. Руководствуясь узко корпоративными целями, они нередко раскапывают памятники, сохранности которых ничего не угрожает. Оставляя в стороне методику работы различных исследователей, можно сказать, что в любом случае сохраненный памятник был бы для будущих поколений ученых несомненно более информативным, нежели он представляется сейчас. Возможность же извлечения дополнительной информации из коллекций на несколько порядков ниже по сравнению с изучением памятника в поле.

3. Подобные научные и нравственные вопросы практической археологии ставят на повестку дня разработку нетрадиционных методик изучения памятников. В первую очередь тех, которые не влекут за собой разрушения источников научной информации.

4. В Отделе охранных раскопок Института археологии АН СССР разрабатывается методика исследования памятников с помощью аэрокосмического зондирования. Это принципиально новое направление в науке, где приоритет принадлежит советским ученым. К настоящему моменту можно говорить о двух направлениях.

Первое — поиски новых археологических памятников. Представляется, что основным источником информации здесь являются космические снимки, получаемые с ИСЗ. В настоящий момент идет пополнение базы данных по региону центральной России, отработка непосредственных методических приемов, выбор наиболее репрезентативных спектров съемки, выявление статистически достоверных результатов.

Второе направление, где получены наибольшие успехи, — выявление внутренней структуры археологических памятников при помощи математической обработки аэроснимков. В зависимости от непосредственных задач используются снимки различ-

ных залетов, в ряде случаев специальной аэро съемки. К настоящему времени можно с уверенностью говорить, что предлагаемая методика позволяет детально реконструировать планировку поселений, в первую очередь железного века и древнерусского времени. При дешифровке достаточно четко проявляются различные сооружения, жилища, а в ряде случаев и внутренняя планировка последних. Менее впечатляющи пока результаты анализов памятников каменного века. Однако определенные структуры на площади стоянок проявляются и через 5—7 тыс. лет после прекращения их жизнедеятельности. В отдельных случаях удается выявить на площади памятников отдельные участки, функционирование которых относится к различным хронологическим периодам.

5. Использование метода аэрокосмического зондирования в археологии представляется одним из наиболее перспективных путей изучения памятников при одновременном сохранении всего комплекса археологических источников для будущих поколений.

О. Л. Прошкин

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАЛУЖСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ

(к 100-летию образования)

Калужская Ученая Архивная Комиссия была организована 28 января 1891 г. В круг ее деятельности входило и археологическое изучение губернии. По инициативе КУАК проводились раскопки и поиски памятников археологии. На заседании Комиссии 30 марта 1891 г. было объявлено, что «необходимо собирать материалы для составления археологической карты Калужской губернии с обозначением на ней городищ, курганов, урочищ».

Председателя КУАК И. Д. Четыркина можно считать первым калужским археологом. Им было произведено археологическое изучение Калуги и ее окрестностей, а также некоторых уездов губернии с целью составления карты, куда были собраны сведения о 410 курганах и 70 городищах. Большое внимание исследователь уделял погребальным памятникам — курганам, 17 из них были раскопаны. Это 5 курганов могильника Губино — Меренищи Козельского уезда, содержавшие погребения сер. XIV—XV вв., 12 курганов близ г. Калуги по берегам р. Калужки, датирующиеся сер. — 3-й четв. 1 тыс. н. э. На городище в устье р. Калужки, по преданию считавшееся одним из первоначальных местоположений Калуги, в 1892 г. И. Д. Четыркин провел небольшие рас-

копки. В результате были обнаружены следы пожара, многочисленные кости животных и фрагменты гончарной посуды. В 1894 г. исследователь «произвел раскопку» и на городище раннего железного века у с. Городня близ Калуги, где были найдены «большое количество битой глиняной посуды», кости животных и «грубые костяные поделки». Кроме того, им обследованы стоянка и селище в устье р. Калужки (Турьнинские Дворики), «Симеоново» городище в Калуге, городища в с. Калужке (Ждамирово), в г. Лихвине, проводились раскопки в самой Калуге. в с. Кременском Медынского уезда совместно с членом КУАК В. В. Арсеньевым осмотрели и составили подробное описание городища — места летописного Кременца. При обследовании калужских городищ И. Д. Четыркин попутно занимался сбором исторических, этнографических и других сведений о них, что позволило ему, например, считать происхождение названия «Калуга» от речки Калужки.

В те же годы археологические исследования в губернии проводились и другими членами Комиссии.

Грандиозные по масштабам того времени раскопки были осуществлены Н. И. Булычевым по течением рр. Угры, (Шатуны, Ступеньки, Бочарово и др.), Перекши, Пополты, Рессы, Серены, Болвы, Снопоти (Леоново, Шаньково, Почепок и др.), Оки (Гремячее, Доброе). Им было вскрыто 409 курганов с 454 погребениями, совершенными по обрядам ингумации и кремации времени раннего железного века и Древней Руси. В результате был получен материал, являющийся основой решения многих вопросов в истории Верхнего Поочья. Исследованы городища Спас-Перекша, Мощины, Мужитино, Оболюв, Серенск, Гремячее. На Мощинском городище был найден ныне весьма знаменитый и известный в науке клад бронзовых украшений с эмалями, так называемый «Мощинский» клад.

В 1891 г. С. А. Комаровым были раскопаны 3 кургана эпохи Древней Руси у с. Оболенское Тарусского уезда. Найдены остатки двух мужских и одного женского труположений. Последнее содержало небогатый погребальный инвентарь — бусы, бронзовые витые кольца и перстень. Интересно то, что все трое погребенных лежали на правом боку.

В 1903 г. С. Д. Соколовым и С. С. Ждановым проводились раскопки курганов в с. Коханы Мосальского уезда. К сожалению, переданные в КУАК журнал раскопок, таблицы с фотоснимками и планшеты с находками не сохранились.

Другим членом комиссии Н. В. Тепловым проводились раскопки по поручению Московского Археологического Общества. В частности, в 1897 г. он исследовал городище «Дуна» близ Лих-

вина. Реферат о результатах был прислан и опубликован в «Известиях».

Членом Комиссии Ю. Г. Гендуне в 1900 и 1903 гг. проводились раскопки городищ раннего железного века и Древней Руси у с. Городище Тарусского уезда и Акиншинского в Лихвинском уезде.

В. М. Кашкаровым в 1899 г. совершена поездка по древним городам Мещовского и Медынского уездов.

Н. Д. Самосатский в 1891 г. обследовал городища у с. Любутское и собрал различные историко-археологические материалы. В частности, он составил подробные описания двух городищ и их оборонительных сооружений, записал легенды и предания об этом месте, локализовав здесь летописный город Любутск, впервые упоминающийся в письменных источниках в XIV в.

Отчеты о всех археологических исследованиях членами КУАК отсылались в Императорскую Археологическую Комиссию, печатались в «Известиях Калужской Ученой Архивной Комиссии» — главном печатном органе КУАК и отдельными изданиями в Калуге, Москве и С.-Петербурге.

Кроме того, сбором древностей в губернии занимались и многие другие члены КУАК — П. А. Трейтер, С. А. Никитин, Д. И. Литвинов, принося их в дар Комиссии. Например, находки, сделанные Д. И. Литвиновым в с. Гремячее Перемышльского уезда послужили началом создания археологической коллекции будущего музея.

20 апреля 1897 г. при КУАК был открыт Исторический музей, включавший всего 5 витрин, первая из которых содержала археологические находки.

Библиография по археологической деятельности КУАК

1. Ассонов В. И. Неолитическая стоянка у дер. Ворониной Калужского уезда. // Известия Калужского общества изучения природы и местного края. Калуга, 1912. Кн. 1.

2. Булычев Н. И. Журнал раскопок 1898 г. по берегам Оки. М., 1899.

3. Он же. Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра.

4. Он же. Раскопки по части водораздела верхних притоков Днепра и Волги. М., 1903.

5. Он же. Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.

6. Гендуне Ю. Г. Опись предметов, найденных Ю. Г. Гендуне при раскопке в селе Городище, Калужской губ. Тарусского уезда в 1900 году. // ИКУАК, вып. 1902, г. Калуга, 1902.

7. Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1891 год. // ИКУАК, № 2, Калуга, 1892.

8. Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии в 1892 году. // ИКУАК, № 3. Калуга, 1894.

9. Отчет товарища председателя Калужской Ученой Архивной Комиссии И. Д. Четыркина о произведенных им историко-археологических исследованиях и раскопках вблизи «Старого Городища», в 6 верстах от г. Калуги. с разрешения Императорской Археологической Комиссии. // Там же.

10. Отчет о деятельности Калужской Ученой Архивной Комиссии в 1893 году. // ИКУАК, № 4. Калуга, 1895.

11. Отчет в Императорскую Археологическую Комиссию товарища председателя Калужской Ученой Архивной Комиссии И. Д. Четыркина о произведенных им в 1894 г. археологических раскопках по нижнему течению речки Калужки. // Там же.

12. Отчет о раскопках, произведенных И. Д. Четыркиным в 1895—1896 годах, читанный в заседании Архивной Комиссии 3 апреля 1897 г. // ИКУАК, № 5. Калуга, 1897.

13. Открытие Калужского Губернского Исторического Музея, состоящего при Ученой Архивной Комиссии, 20 апреля 1897 года. // Там же.

14. Отчет о деятельности и состоянии Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1898 год. // ИКУАК, вып. I, 1899. Калуга, 1899.

15. Отчет о деятельности и состоянии Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1900 год. // ИКУАК, вып. 1901. Калуга, 1901.

16. Отчет о деятельности и состоянии Калужской Ученой Архивной Комиссии за 1901 год. // ИКУАК, вып. 1902 г. Калуга, 1903.

17. Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 3 мая 1891 года. // ИКУАК, вып. 1891 года. Калуга, 1891.

18. Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 12 октября 1891 года. // ИКУАК, № 2. Калуга, 1892.

19. Протокол заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии 20 октября 1892 года. // ИКУАК, № 3. Калуга, 1894.

20. Протоколы. Заседания Калужской Ученой Архивной Комиссии. // ИКУАК, вып. 2, 1899. Калуга, 1899.

21. То же. // ИКУАК, вып. 1901. Калуга, 1901.

22. То же. // ИКУАК, выпуск 1902 г. Калуга, 1903.

23. Четыркин И. Д. Результат начальных археологических исследований по нижнему течению речки Калужки. // ИКУАК, № 2. Калуга, 1892.

24. Он же. Городища, на которых, по преданию, находилась в древности Калуга. // ИКУАК, № 5. Калуга, 1897.

25. Он же. Значение глиняных сосудов, найденных при раскопках курганообразных возвышений на берегу Оки, вблизи Калуги.//ИКУАК, вып. 2, 1898 г. Калуга, 1898.

26. Он же. Предметы, найденные на Серенском городище Калужской губернии Мещовского уезда.//ИКУАК, вып. 9—10, 1898 год. Калуга, 1898.

27. Он же. Дневник раскопок, произведенных в 1898 г. в уездах Козельском, Лихвинском и Калужском.//ИКУАК, вып. 2, 1899. Калуга, 1899.

28. Он же. Перечень предметов, найденных на городище «Дуна» и находящихся в Калужском Историческом Музее.//Там же.

29. Он же. Пробные раскопки Лихвинского городища 14 и 15 июля 1899 года.//Там же.

30. Он же. Находки близ г. Козельска, в двух верстах от деревни Стенино.//ИКУАК, вып. 1900 г. Калуга, 1900.

31. Он же. Археологические находки на южной стороне древнего городища в г. Козельске.//Там же.

32. Он же. Результаты археологических исследований в пределах Калужской губернии за истекший десятилетний период (1891—1901 гг.).//ИКУАК, вып. 1901. Калуга, 1901.

33. Он же. Открытие в Козельском уезде Калужской губернии, близ деревни Стенино, остатков палеолитической эпохи.//ИКУАК, выпуск 1902 г. Калуга, 1903.

34. Он же. Следы древнейших обитателей Калужского края. Там же.

Н. В. Марченко

Л. А. КАВЕЛИН И ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Лев Александрович Кавелин, в монашестве архимандрит Леонид, литератор, библиограф, исследователь и знаток русской старины, положил начало научной и систематической разработке темы по истории Калужского края и калужской церкви.

Кавелин родился в 1822 году в имении Грива Козельского уезда. В детстве он часто бывал в Оптиной Пустыни. Мирная монашеская обстановка и величавые образы старцев Леонида и Макария питали религиозное настроение мальчика и оставили навсегда неизгладимое впечатление.

Лев Александрович получил военное образование и прослужил 10 лет офицером в Волынском полку. В эти годы началось его занятие научно-литературной деятельностью.

По-прежнему он бывает в обители и в 1845 году составил «Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни», которое вышло в Петербурге в 1847 году в двух частях.

В 1852 году Кавелин вышел в отставку и удалился в Оптину Пустынь, где в Предтеченском Скиту сделался послушником.

27 апреля 1854 года Л. А. Кавелин, согласно прошению, из послушников был определен в число штатной братии Оптиной Пустыни; 28 февраля 1855 года покрыт рясофором, а 7 сентября 1857 года принял пострижение в иноки с именем Леонид. 20 октября того же года он был посвящен епископом Григорием Калужским в иеродьякона, а 29 октября в иеромонаха.

В это время монастырь, известный во всем православном христианстве, был благополучной с точки зрения хозяйственной и, особенно, духовной жизни обителью.

Введенный о. Моисеем древний порядок иноческой жизни, так называемое «старчество», способствовал духовному воспитанию, нравственной поддержке братии и всех, кто в этом нуждался.

Духовные советы старец давал устно и письменно. Ученики, среди которых был Лев Кавелин, помогали о. Макарию в «письменных трудах». «Бывали дни, когда таких писем зараз получалось по 50 и 70».

Под руководством о. Макария готовились к печати переводы свято-отеческих писаний. Лев Кавелин, владеющий польским, французским, немецким, английским, древним и новым греческими языками, имеющий литературный опыт, занимался этой работой с увлечением. Всего с 1845 по 1860 год вышло в свет 16 книг, из которых 5 на русском языке, 1 на славянском и на русском, остальные на славянском.

За эти же годы Л. А. Кавелин подготовил много материалов для тех исследований, статей, сообщений, монографий, которые в печати появились позже; тогда же разрабатывались труды, относящиеся к истории и древностям Калужского края.

Материалы, освещающие историческое прошлое края, Кавелин публиковал в «Калужских Епархиальных Ведомостях», «Калужских Губернских Ведомостях», «Чтениях Московского Общества истории и древностей Российских» и др. изданиях. Это были «Церковная летопись г. Калуги», «Летопись градо-калужских церквей», «Заметки инока, уроженца г. Калуги, о его странствии в святой град Иерусалим из Москвы через Молдавию, Турцию и Египет в самом начале прошедшего столетия», «Путешествие в Иерусалим старца (старообрядца) Леонтия (калужанина)», «Память о царице Евдокии Федоровне в Мещовском уезде, на месте ее родины», «Письмо Н. В. Гоголя к одному из старцев Оптиной Пустыни», «Изъяснение раскола, именуемого христовщина и хлыстовщина. Составил священник Иоанн Сергеев, бывший само-

видцем всех тайнств оного раскола», «Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года» В. В. Ханькова.

Собранные, систематизированные и критически осмысленные исторические материалы вылились в монографические исследования о монастырях и церквях Калужской епархии:

Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни. СПб, 1847;

Историческое описание Калужского Лаврентьева монастыря, нынешнего Калужского архиерейского дома. Калуга, 1862.

Историческое описание Перемышльского Троицко-Лютикова монастыря. Калуга, 1862.

Историческое описание Калужской Тихоновой Пустыни. СПб, 1862.

Историческое описание Малоярославецкого Черно-Островского Николаевского монастыря. СПб, 1863.

Историческое описание Мещовского Георгиевского мужского общежительного монастыря. М., 1870.

Описание Лихвинского Покровского Доброго мужского монастыря. М., 1876.

Историко-археологическое и статистическое описание Боровского Пафнутьева монастыря. М., 1894.

Церковно-историческое описание упраздненных монастырей, находящихся в пределах Калужской епархии. М., 1863.

Об упраздненных монастырях Калужской епархии. В Калужских Епархиальных Ведомостях. 1863, № 8, 9, 10.

Описание Крестовской церкви, находящейся при въезде в Калугу с северной стороны». Калуга, 1888.

Село Николо-Гостунское. Чт. М. О. И. Др. Р., 1861, IV кн.

Хорошо знакомый с местными материалами, имеющий опыт в составлении исторических описаний, Кавелин написал очерк общей истории Калужского края, вставив его в историю местной церкви.

Публикация состоялась дважды: Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV в. и до конца XVIII в. в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии. Чт. М. О. И. Др. Р., 1862, часть II и отд. М., 1862; История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужские иерархии. Калуга, 1876.

В 1859 году, после двухгодичного пребывания в Палестине, о. Леонид вернулся в Оптину Пустынь, где продолжает заниматься активным литературным трудом, частью которого стали биографические исследования: Биография о. Макария, вышедшая в

«Домашней беседе» (вып. 47 и 48) и отдельным изданием в 1881 году. «День годовой памяти покойного архимандрита Оптиной Пустыни Моисея» (Калужские Епархиальные Ведомости, 1863, № 12; «Тит Молчальник» (Домашняя беседа, № 36); «Жизнеописание старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Леонида в схиме Льва» (Москва, 1876).

В декабре 1863 года о. Леонид покидает Обитель. Он был возведен в сан архимандрита и командирован в Иерусалим начальником миссии. По возвращении в Россию в 1869 году он был назначен настоятелем Воскресенского монастыря, а в 1877 году настоятелем св. Троицко-Сергиевой Лавры.

Свободное от монастырских забот время о. Леонид посвящал изучению старопечатных книг, рукописей и древних актов.

Архимандрит приобрел известность в ученом мире, стал почетным членом многих научных обществ.

Скончался Лев Александрович Кавелин 22 октября 1891 года.

На протяжении всей своей жизни Кавелин, прямо или косвенно, был связан с Оптиной Пустынью. Благодаря огромным познаниям, неиссякаемой энергии, трудолюбию и добросовестности, школу которых он прошел в Обители, были достигнуты большие результаты в научно-исследовательской работе. 30 лет жизни Кавелин посвятил изучению родного края и оставил после себя значительное количество ценных публикаций и исследований.

Г. А. Массалитина

ПРОБЛЕМЫ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ВЕРХНЕГО ПООЧЬЯ

В изучении как раннего железного века Верхней Оки, так и развитого его этапа имеется ряд проблем, без решения которых невозможно представить историю этого периода.

Основное внимание в докладе сконцентрировано на нерешенных вопросах развитого железного века. Начало этого этапа для значительной части лесной полосы Восточной Европы традиционно связывают с зарубинецким влиянием, отчетливо проявляющемся на памятниках раннего железного века различных территорий, начиная с рубежа эр и в первые века нашей эры.

Для соседних с Верхней Окой территорий этот вопрос уже давно поставлен, и на его решение направлены усилия исследователей. Для верховьев левобережного Днепра эта проблема известна как «проблема верхнего слоя городища Тушемля», в рамках которой решаются вопросы трансформации днепро-двинской культуры в тушемлинскую под зарубинецким влиянием. На

Десне была выделена почепская культура, в которой изучаются следы и характер зарубинецкого влияния на юхновскую культуру раннего железного века. Давно прослежены следы этого влияния на северо-восточных соседей — дьяковские племена: характер древностей их культуры существенно меняется и они получают специальное обозначение — позднедьяковские.

Характер же изменений культуры племен Верхней Оки, происходящих под зарубинецким влиянием, до сих пор не изучен. Это связано с тем, что археологические работы на памятниках этого периода в настоящее время почти не производятся. Материалы дореволюционных исследователей, а также работы начала и середины нашего века не могут быть использованы в связи с низким методическим уровнем процесса раскопок и фиксации материала.

Поэтому сейчас можно лишь обозначить проблему и указать направления ее решения:

1. Когда на памятниках верхнеокской культуры начинает сказываться зарубинецкое влияние и в чем оно выражается.
2. Критерии выделения мощинской культуры среди соседних.
3. Нижняя дата мощинской культуры и взаимоотношение мощинской и верхнеокской культур.
4. Верхняя дата мощинской культуры и ее взаимоотношение с культурой ранних восточнославянских племен.

А. С. Фролов

О КОМПЛЕКСЕ ИЕНЕВСКИХ ПАМЯТНИКОВ У ДЕР. ЛАДЫЖИНО

В настоящее время у д. Ладыжино (Тарусский район Калужской области) на левом берегу р. Оки зафиксировано семь стоянок и местонахождений, датируемых эпохой каменного века. Четыре из них — стоянки I—IV — расположены в сходных геоморфологических условиях: на ровных мысах площадки первой надпойменной террасы Оки, на высоте 15—18 м над летним уровнем воды в реке. Стоянка Ладыжино V находится на пологом склоне 2-й надпойменной террасы. В связи с малочисленностью собранного на ней подъемного материала датировка ее затруднительна, но по ряду признаков наиболее вероятно не позднее эпохи мезолита. Ладыжино VI является местонахождением переотложенных, сильно окатанных кремневых изделий и лепной ромбо-ямочной керамики на песчаной намывной косе. Несомненна их неолитическая датировка. Стоянка Ладыжино VII (полностью уничтожена

при строительстве санатория в начале 1980-х годов) занимала небольшой мыс первой надпоймы. Горизонт залегания мезолитических находок здесь был перекрыт культурным слоем мощинского селища. Небольшая коллекция, в которой преобладали ножевидные пластины и изделия из них, позволили предположительно отнести ее к «верхнеокскому варианту» бутовской культуры.

Рассмотрим, однако, первые четыре памятника, открытые автором в начале 1970-х годов и получивших порядковую нумерацию в соответствии с последовательностью их обнаружения. По типологии каменных орудий все они были в 1977 г. отнесены к иеневской мезолитической культуре. С исследования ладыжинских стоянок фактически началось изучение иеневской культуры в бассейне верхней Оки.

Стоянка Ладыжино-I расположена в 1,4 км к северо-востоку от деревни, на правом берегу ручья, впадающего в Оку. Многократные зачистки и шурфовка культурного слоя не показали. Основное скопление материала на поверхности (ок. 3500 кв. м) сосредоточено на расстоянии 100—150 м от края террасы, хотя отдельные предметы встречаются по всей площади обширного мыса. В инвентаре стоянки множество разнообразных нуклеусов от пластин и отщепов (одно- и двуплощадочные, подконические и торцевые, аморфные и пр.), есть два дисковидных и один карандашевидный технологические сколы. Среди изделий со вторичной обработкой преобладают резцы; часто с ретушированной площадкой скола, но есть и на сломе и естественном окончании заготовки, причем доминируют двойные и тройные. Найдено два срединных резца на отщепах. Скрепки немногочисленны — преимущественно концевые на пластинах, иногда со скошенным лезвием, есть боковые. Интересны рубящие орудия: один подовальный топор и три тесла, в том числе одно «с перехватом». Наконечников стрел в коллекции всего два. Первый — с боковой выемкой на отщепе. Второй со слабо выраженным черешком на пластине и поствидерским характером обработки пера и черешка на брюшке. Остальные предметы: скобели, перфораторы, отбойники, разнообразно ретушированные пластины и отщепы и пр. Следует отметить устойчивость типов комбинированных орудий. В целом весь орудийный комплекс, техника расщепления и вторичной обработки кремня характерны для ранних этапов существования иеневской культуры.

Стоянка Ладыжино-II расположена в 0,8 км к югу от деревни на небольшом мысу, ограниченном двумя оврагами. Культурный слой не зафиксирован. Площадь распространения находок свыше 2000 кв. м. В коллекции кремневых изделий представлены основные типы орудий и нуклеусов, большое число отщепов и пластин без вторичной обработки. Есть отбойники из округлых галек.

Стоянка Ладыжино-III расположена в 0,6 км к юго-востоку от деревни, на соседнем со стоянкой II мысу. Исследовалась раскопками (55 кв. м). Примерные размеры ок. 5000 кв. м. Для культуросодержащего горизонта получена палинологическая датировка — ВО-1.

Стоянка Ладыжино-IV занимает юго-восточную часть обширного мыса прямо под деревней (в 0,6 км к востоку). Площадь памятника частично уничтожена при строительстве пансионата, частично распахивается. Коллекция каменных предметов, собранная на площади ок. 2000 кв. м, немногочисленна, но в ней представлены скребки, резцы, скобели, комбинированные орудия, ножевидные пластины с краевой ретушью, крупное односторонне оббитое тесло и др.

Для всех четырех ладыжинских стоянок характерно использование единого сырья. Преимущественно это т. н. «беховский» высококачественный меловой кремь чернго и серого цветов. Наличие значительного числа нуклеусов в различной стадии расщепления, ребристых пластин, сколов подправев площадок, отбойников и мельчайших чешуек, аппликации позволяет утверждать, что как процесс раскалывания, так и вторичной обработки производился непосредственно на месте стоянки. Коллекции памятников, кроме того, чрезвычайно близки друг другу. Отличия их, в первую очередь, объясняются различной полнотой — от 5100 предметов с Ладыжинской-III стоянки до 242 предметов со стоянки Ладыжино-IV. Современные представления о характере каменного инвентаря иеневской культуры (развитие аренсбургских традиций в технике обработки, процентное соотношение изделий на пластинах и отщепях, типы и формы орудий и т. п.) дают все основания говорить о хронологическом единстве четырех рассматриваемых памятников. Принимая во внимание, как наиболее вероятное, сезонное ведение охотничьего хозяйства иеневцами, можно высказать предположение о том, что ладыжинские стоянки оставлены единой группой населения в относительно короткий (в рамках бореального периода) отрезок времени. Сходная ситуация фиксируется в Калужской области и в группе из четырех стоянок у с. Кременское на р. Луже (Медынский р-н).

Такое неоднократное возвращение, при подвижном образе жизни, на одну и ту же территорию (места рыбной ловли, переправ стадных животных через реку, гнездовий и массовых перелетов птиц) хорошо известны у многих охотничьих племен и народов.

Данное предположение о характере ладыжинских стоянок несомненно нуждается в дальнейшей более детальной разработке, на фоне общеисторических процессов в лесной зоне в эпоху раннего голоцена. Но если оно в принципе отражает действительную

ситуацию формы иеневского хозяйства, то в дальнейшем это поможет выйти на ряд иных проблем: как хронологических (продолжительность обитания на ограниченной территории), так и палеодемографических (количество групп населения на конкретной территории и их соотношение с количеством памятников). Представляется вероятным, что большая масса памятников иеневской культуры оставлена относительно небольшим числом групп, неоднократно возвращавшихся на протяжении многих лет, иногда с перерывами, обусловленными, в первую очередь, охотничьими причинами, в одно и то же место сезонной добычи пищи.

С. Л. Манаенкова

ОККУПАЦИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ КАЛУГИ ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В РИСУНКАХ ХУДОЖНИКОВ

(1941—1943 гг.)

(из фондов КОКМ)

Калуга находилась в оккупации с 12 октября по 30 декабря 1941 г., а уже 18 июля 1942 г. краеведческий музей был открыт для посетителей. С февраля 1942 г. была начата работа по сбору материалов о Великой Отечественной войне.

К первой годовщине освобождения города — 30 декабря 1942 г. — в помещении музея открыта художественная выставка, в которой участвовало 10 человек, включая самодеятельных художников. Ценность выставки заключалась в том, что все представленные работы явились живым откликом на переживаемый момент борьбы с врагом. Наиболее интересными были графические работы М. А. Викторовой, Л. Н. Казакевича, Ф. С. Артамонова и др. авторов. В октябре 1943 года был дан заказ местным художникам сделать для музея зарисовки, передающие характерный облик Калуги военного времени. Некоторые работы этих художников попали в музей.

1. ВИКТОРОВА МАРГАРИТА АЛЕКСЕЕВНА.

(График-акварелист, художник театральных кукол. Член СХ. Род. в Москве в 1902 г. Училась в 1917—1918 гг. в Строгановском художественно-промышленном училище, а в 1919—1921 гг. — во ВХУТЕМАСе. С 1940 по 1943 г. была руководителем изокружка Калужского дома пионеров. В 1945 г. по ее инициативе в Калуге был создан театр кукол, где до 1951 г. она была художником).

Работы М. А. Викторовой из фондов КОКМ.

- а) «Военнопленные роют могилу в сквере им. Ленина в Калуге». (Кл. 7209./ 1, 2, акварель).

На фоне здания присутственных мест изображена часть сквера им. Ленина, превращенного фашистами в немецкое кладбище. На переднем плане — трое пленных роют могилу (один из них, стоя в самой могиле). Рядом с ними, угрожающая фигура немецкого солдата.

Есть подпись автора и дата «1941 г.».

- б) «Площадь им. Ленина в Калуге. 1941 г.».

(Кл. 7208, кл. 6587, акварель).

Изображена площадь им. Ленина у южной части Гостиных рядов. Место казни. На фонарных столбах — повешенные, с табличками на груди: «Участь всех партизан». Рядом стоит немецкий солдат-часовой. Есть подпись автора и дата.

2. КАЗАКЕВИЧ ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ.

(Родился в 1916 г. Окончил в 1941 г. художественный факультет Московского учительского института. Живописец, скульптор).

Работы Л. Н. Казакевича из фондов КОКМ.

- а) «Взорванный немцами театр».

(Кл. 6782. Карандаш).

Крупным планом изображен разрушенный фашистами театр в Калуге. На руинах здания и на земле вокруг лежит снег. Дата: «1942 г.».

- б) «Новый порядок в Калуге».

(Кл. 6777, эскиз, карандаш).

Изображено место казни советских людей в Калуге, у южного корпуса Гостиных рядов. На фонарных столбах двое повешенных. Рядом изображена группа фашистов. Немецкий офицер фотографирует казненных. У виселицы солдат, приводивший приговор в исполнение. В одной руке у него веревка, в другой — обувь казненных. Есть подпись автора.

- в) «Улица Циолковского в Калуге».

(Кл. 6774, карандаш).

Изображен крутой спуск улицы к реке Оке. На переднем плане, перед Домом-музеем К. Э. Циолковского остатки противотанковых ежей.

- г) «Улица Кирова в Калуге».

(Кл. 6774, карандаш).

Перегороженная оборонительными сооружениями ул. Кирова в Калуге. На заднем плане возвышаются две церкви — Жен Мироносиц и маковки церкви Иоанна Предтечи.

Есть дата «1943 г.».

- д) «Улица Смоленская в Калуге».

(Кл. 6774, карандаш).

Изображен крутой спуск ул. Смоленской в Калуге, которая перегорожена оборонительными сооружениями и противотанковыми ежами. В верхней части улицы видна церковь Спаса «за верхом».

3. АРТАМОНОВ ФЕДОР СЕРГЕЕВИЧ.

(Род. в 1883 г. в д. Кортнево Тульской губернии. Умер в 1963 г. Окончил московское училище живописи, ваяния и зодчества. Живописец. Член СХ. В 1934 г. переехал в Калугу, где преподавал рисование. С 1942 г. работал в товариществе «Калужский художник»).

Работы Ф. С. Артамонова из фондов КОКМ.

- а) «Развалины на улице Свердлова».

(Кл. 6874, карандаш).

На переднем плане, из-под снега видны фундамент и печь разрушенного дома. На заднем плане — полуразрушенные здания, с торчащими печными трубами. Дата «1942».

- б) «Улица С.-Щедрина в Калуге».

(Кл. 6787, карандаш).

Крупным планом изображен один из домов улицы С.-Щедрина, пострадавших от боев. Перед домом, лежащий на земле, убитый солдат. У правого угла дома — сцена сражения. На заднем плане контуры здания, объятые пламенем.

Есть подпись автора и дата «1942 г.».

4. ДОБРОВ МАТВЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ.

(московский художник).

Работы из фондов КОКМ.

- а) «Советские танки прорываются в г. Калугу через мост».

(Кл. 6764, офорт-акватинта).

Советские танки наступают на город со стороны с. Ромоданово. Ночь. Очертания зданий города, освещенного лучами прожекторов. По мосту движется колонна танков. Есть подпись автора и дата «1942 г.».

- б) «Немцы готовятся к отступлению из Калуги».

(Кл. 6763, офорт-акватинта).

Улица зимнего города полна немецких машин и повозок. В одну из них солдаты грузят сундук. Один из солдат толкает к повозке старика, видимо возчика.

Есть подпись автора и дата «1942 г.».

5. М. СУШКОВ.

(самодеятельный художник).

Работа М. Сушкова «Их участь».

(Кл. 7022, цв. карандаш).

Изображено немецкое кладбище в Калуге, в сквере им. Ленина. Многочисленные ряды крестов на могилах. На воротах — фашистская свастика. В центре кладбища — пустой постамент от памятника В. И. Ленину. На заднем плане видна часть дома Рыжечкиных и Гостиных рядов. Есть подпись автора.

6. ТАРХОВ Д. М.

(1893—1948 гг.).

Работы Д. М. Тархова из фондов КОКМ.

а) «Калуга. Вокзал. 1942 г.».

(Кл. 7204/1, карандаш).

На фоне здания железнодорожного вокзала в Калуге — машины, военная техника, брошенное немецкое оружие. Есть подпись автора и дата «1942 г.».

б) «Наши трофеи».

(Кл. 7204/7, карандаш).

На фоне разрушенного театра в Калуге брошенная немцами при отступлении военная техника.

Есть подпись автора и дата «1942 г.».

в) «Красноармейская улица в Калуге. 1942 г.».

(Кл. 7204/2, карандаш).

Изображена улица после освобождения города. Одна сторона улицы представляет собой груды развалин и торчащие печные трубы.

Есть подпись автора и дата «1942 г.».

Так как эти работы приобрели силу документа, то могут быть использованы в экспозиции и для выставочного показа.

С. И. Личенко

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, СЕМАНТИКА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРНАМЕНТАЛЬНЫХ МОТИВОВ В НАРОДНОМ ИСКУССТВЕ КАЛУЖСКОГО КРАЯ

Орнамент, как часть бытового искусства народа, является предметом пристального изучения исторической, этнографической и искусствоведческой наук. Еще с середины XIX в. народное искусство становится объектом специального изучения. Говоря об изучении народного искусства в дореволюционный период, можно

отметить, что это было время накопления фактов и начало их научного осмысления. Основными обобщающими трудами в этой области во 2-й половине XIX — начале XX века явились исследования В. В. Стасова. Надолго определили пути исследования сюжетного орнамента вышивки статьи В. А. Городцова, вышедшие в советский период. Исследователь среди обилия декоративных деталей увидел древнюю религиозную сущность главных сюжетов и, как археолог, дал абсолютную датировку этих сюжетов. В труде В. С. Воронова выявляется большая роль коллективного начала в народном искусстве, его традиционность, сложный состав его сюжетов и образов. В 30-е годы в исследованиях о народном искусстве Л. А. Динцеса и А. И. Окладникова получила развитие магическая интерпретация орнамента. В послевоенное время исследователи сделали очень много для выявления генезиса и раскрытия семантики древних орнаментальных мотивов народного искусства. В этом смысле обращают на себя внимание труды Б. А. Рыбакова, заслугой которого является конкретизация отдельных мотивов, анализ в соотношении с системой языческих воззрений, известных по письменным источникам и фольклорным данным.

В советский период развилось и утвердилось изучение орнамента в качестве исторического источника. Представителями этого направления являются советские ученые С. В. Иванов, В. Н. Чернецов, Г. С. Маслова. Вопрос об орнаменте как историческом источнике был поставлен на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в 1964 г. в Москве. Были обсуждены многие теоретические и методологические вопросы, связанные с изучением народного искусства, выявлена специфика искусствоведческого и этнографического аспектов исследования и установлена необходимость единства данных методов.

Орнамент народного искусства Калужского края нельзя рассматривать лишь как украшение, подчиненное оформляемому предмету и растворяющееся в его значении, и в то же время нельзя понять и объяснить орнамент, минуя его художественную природу, растворить орнаментальное искусство в научном знании. Орнаментальный образ калужского народного искусства — сложная структура с неоднозначными внутренними связями, в которой коллективная художественная традиция индивидуализируется, а индивидуальное творческое начало подкрепляется опытом многих поколений. Орнамент отражает природу, быт, мировоззрение, художественные традиции народа, представляет собой сложное сочетание разновременных наслоений, связанных с определенной социальной средой и этническими традициями.

Этнографическая и археологическая традиция предлагает искать истоки народного художественного творчества на территории Калужской губернии в дошедших до нас немногочисленных остатках материальной культуры вятичей, населявших край в VI—X вв. Это металлические предметы: подвески, кольца, детали керамических изделий. Археологические древности, найденные на территории калужского края, во многом представляют традиционный славянский орнаментальный комплекс, но гипотетически указывают на локальные орнаментальные черты — преобладание геометрических и зооморфных мотивов. С удивительным постоянством они сохранились в изделиях народных мастеров — вышивке, ткачестве, деревянной резьбе — до начала XX столетия. Но уже в XIX в. эти мотивы в достаточной мере трансформировались, древняя архаика слилась в них с образами окружающей природы, с фольклором.

Семантика геометрической орнаментики в настоящее время достаточно хорошо выявлена в различного рода исследованиях. В калужском народном быту солярные знаки и ромбо-точечные композиции связывались, часто уже бессознательно, с идеей плодородия, рассматривались в качестве оберегов. Поэтому неслучайно устойчивое изображение символов плодородия и солярных знаков в орнаменте занавесок, рубах, головных уборов просватанной девушки, молодой женщины, на прялках, рубелях, пряничных и набойных досках. Символика плодородия этих мотивов и значение их в качестве оберегов сохранились в народном представлении калужских крестьян вплоть до начала XX в. Народная традиция пронесла сквозь столетия внешнюю форму древних знаков и сохранила их определенное место на вещах в крестьянском быту.

Устойчивость зооморфных мотивов (коня, барса — медведя) в народном искусстве калужского края позволяет говорить также об определенной системе взглядов, мироощущении народного художника. Обыкновенно — это изделия калужских вышивальщиц, значительно реже данные мотивы используются в резьбе по дереву. Этнографические материалы по Калужской губернии позволяют говорить о том, что конь играл определенную роль в обрядах, которые еще сохранились в жизни крестьян к началу XX в. Так, существовало игровое действие «Водить кобылку» на масле. Известен в калужских селах обычай ряжения конем на святках. Следовательно, обращение к образу коня в калужской народной вышивке и деревянной пропильной резьбе (навершье наличника, конец XIX в., Калуга, дом купца Синельникова) в данный хронологический период еще сохранило представление о благожелательности этого образа. Благожелательно — апотропейное значение приобретает в калужском народном искусстве

и изображение барса — медведя. Типологически оно восходит к северо-восточному русскому орнаментальному комплексу — изображению восстающих зверей в гербах. Но в контексте калужской вышивки смысловая связь с прототипом уже утрачена и мотив получает новое название — «медведи». Медведь был ближе и понятнее калужскому крестьянину. Для деревни медведь — существо, с которым было связано много поверий: если во дворе было неблагополучно, то туда звали поводчика с медведем, медведь излечивал болезни — «спину топтал», «изгонял порчу». Во многом эти сохранившиеся представления и вызывали к жизни данный образ в калужском народном искусстве.

Трансформация орнаментальных мотивов в декоре конкретных памятников народного искусства калужского края имеет свои особенности, но в одинаковой мере отражает ту или иную степень разложения традиционного орнамента, удаление от архаического типа. Подобно тому, как в обрядах XIX в. прослеживается постепенное исчезновение аграрно-производящего содержания, превращение семейной обрядности в игровые действия, так и в народном орнаментальном искусстве видно изменение семантики древних мотивов: их отрыв от древней мифологической основы и преобладание эстетической функции орнамента. Что же касается орнаментального искусства нового времени, символический элемент в нем факультативен и играет, как правило, второстепенную роль, что говорит о возможной своеобразной «самодостаточности» орнаментальной формы.

В. Г. Пуцко

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ г. КАЛУГИ

Выявление и изучение памятников духовной культуры на территории Калуги и Калужской области не было осуществлено в то время, когда архитектурные ансамбли и исторически сложившиеся коллекции оставались в целостном виде. Сейчас в большинстве случаев может речь идти лишь об их остатках. Регистрационная работа, не перерастающая в исследовательскую и не получающая отражения в печати, в сущности имеет формальный характер и не приносит каких-либо ощутимых практических и научных результатов.

Накопление научной информации требует прежде всего широкого изучения конкретных памятников и их группировки, введения материалов в научный оборот.

Особую категорию художественных памятников представляют происходящие из археологических находок либо относящиеся к подъемному материалу. Именно они позволяют осветить бытование на территории города и всего Калужского края произведений прикладного искусства, от древнейших эпох до нашего времени. На сегодняшний день мы, в частности, располагаем многими интересными образцами позднесредневековой металлопластики, среди которых выделяется довольно компактная коллекция перстней.

Градостроительная система Калуги в целом ясна, поскольку документирована описями XVII в. и чертежами XVIII—XIX вв. Предметом специального изучения служили важнейшие памятники гражданского зодчества, чего нельзя, однако, сказать о церковных сооружениях, сохранившихся и разрушенных. Между тем среди них есть выдающиеся постройки, требующие и архивных разысканий, и архитектурно-пространственного анализа. В их числе церковь Георгия «за верхом», Троицкий собор, церковь св. Козмы и Дамиана, церковь Жен-мироносиц, церковь Иоанна Предтечи. За исключением первой из них, интерьер не сохранился, и остается в отдельных случаях судить о нем на основании старой фотофиксации. В частности, лишь по старым фотоснимкам можно получить представление об уничтоженных в довоенный период великолепных иконостасах соборного храма Лаврентьева монастыря и Троицкого собора. Единственной уцелевшей от иных иконостасов частью служат деревянные резные фигуры, хранящиеся в областном художественном музее, хотя и давно депоспартизированные.

При отсутствии самих памятников некоторую информацию (иногда чрезвычайно ценную) можно почерпнуть из церковных инвентарей, особенно если они составлены так образцово, как описи церквей Перемышльского уезда, зафиксировавшие убранство стоявших еще в начале XIX в. деревянных сельских храмов, впоследствии интенсивно заменявшихся каменными. Вместе с этими скромными постройками навсегда ушли в небытие и древние традиции, столь долго сохранявшиеся даже в среднерусской полосе. Упомянутые инвентари могут дать немало сведений в результате их источниковедческого анализа.

Основная трудность, подстерегающая современного исследователя художественных памятников Калуги, заключается в разрозненности материала. От элемента случайности не свободны ни собрания икон действующих храмов, ни музейные собрания. Если архивные источники и живая традиция знают о целых поколениях калужских иконописцев, то их подписные произведения единичны, да и те в основном находятся за пределами Калуги, и даже за рубежом. Перемещение художественных памятников приобре-

ло характер стихийного бедствия, и остановить его не в силах музейные работники и исследователи. Достаточно сказать, что больше образцов калужской торевтики XVIII—XIX вв. зарегистрировано в иногородних музейных коллекциях, чем в самой Калуге. В частности, это наблюдение можно отнести и к работам одного из самых выдающихся калужских мастеров серебряного дела в XVIII в. М. К. Золотарева.

Каталогизация сохранившихся произведений живописи и прикладного искусства имеет смысл лишь в том случае, если она сопровождается исследованием этих памятников с опубликованием результатов изысканий и находит отражение в печати, а не служит готовым сырьем для организаций, получающих, в силу существующих инструкций, право на беспрепятственное использование итогов разысканий местных исследователей. Проблема перспективности изучения художественных материалов оказывается актуальной не только в отношении произведений, доступ к которым по тем или иным причинам затруднен, но и применительно к таким сравнительно массовым предметам, как фасадная деревянная резьба и печные изразцы.

Практически почти невозможно в течение короткого времени наверстать все, что упущено за десятилетия. Много есть невозвратных потерь, которые навсегда останутся черными дырами в истории русского искусства. К сожалению, их гораздо больше, чем счастливых находок, как правило, единичных и большей частью случайных. При существующем положении вещей важно видеть реальные возможности и пути реализации проделанной работы. Отсутствие фонда научных публикаций памятников никогда не смогут компенсировать никакие общие обзоры, из-за случайности отбора материала и поверхности характеристик. Такие обзоры могут иметь место либо как предварительные, либо как основанные на широкой научной базе. К сожалению, последнее может оказаться делом только далекого будущего. Приблизить же его возможно лишь усилиями целых коллективов исследователей, но никак не проявлениями одиночных инициатив.

Памятники, связанные своим возникновением с Калужским краем, и произведения, бытовавшие на его территории — это две основные категории материала, необходимого для построения региональной истории духовной культуры, являющейся неотъемлемой национальной частью. Вне сознания этого по существу невозможно осмыслить место каждого отдельно взятого явления, отраженного в конкретном памятнике. За ныне в большинстве случаев распыленными усадебными коллекциями картин, гравюр, библиотеками, инвентарями церковной утвари стоят люди определенных эпох. Художественное же произведение живет лишь тогда, когда его язык доходит до восприятия: иначе оно остается

обычной неодушевленной вещью. К сожалению, судьба ненужных вещей чьей-то волей иногда предназначена и замечательным памятникам. Но исправление этой несправедливости отчасти в наших силах.

Обращаясь к конкретным калужским художественным сокровищам, приходится констатировать явно неудовлетворительное состояние изученности произведений в музейных хранилищах и в личных коллекциях, равно как и тех памятников зодчества, в исследовании которых, казалось бы, почти нет преград. В чем же состоят причины существующего положения? В чьей-то злой воле или в объективно сложившихся условиях? Эти вопросы можно было бы считать чисто риторическими, если бы удалось обойти их стороной. Но, во-первых, в поисках ответа на них следует принять во внимание дефицит кадров исследователей и распыленность их усилий, отсутствие организующего начала и часто индивидуальной заинтересованности. Последняя имеет причину в наращивании издательских трудностей. Во-вторых, только превращение музеев в активно работающие корпорации может избавить их кадры от балласта, и здесь, в осуществлении этого процесса, могут сыграть свою роль ежегодные научные конференции, отражающие реальное состояние научно-исследовательской работы. Для ее итогов должно быть место на страницах специальных сборников. В целом это вполне реально, и наши музеи уже обладают в этом деле некоторым опытом.

Издание сборников атрибуционных статей и исторических источников, археологических материалов, иллюстрированных каталогов должно стать планомерным и неотложным делом. Нужны очерки об архитектурных ансамблях и о наиболее замечательных постройках, существующих и исчезнувших, об утраченных памятниках, которые, однако, не должны быть забыты.

Преодоление инертности — основное качество, необходимое для реализации программы изучения художественных памятников, успешно начатого на рубеже XIX—XX вв. и ознаменованного яркими работами 1920-х годов. Позднее это стало делом отдельных энтузиастов. Но, как известно, никакой энтузиазм нельзя эксплуатировать до бесконечности.

А. А. Зорин

ПАРКИ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Историю парков Калужской области следует начать с последней четверти XVIII века. Именно в это время распространяются идеи просвещения, дворянство освобождается от обязательной службы и возвращается в поместья, начинает переустраивать их

по столичным образцам. Перестраивается и вся жизнь провинций. В это время, в 1776 г., образуется Калужское Наместничество. Калуга становится крупным административным центром, ее перестраивают, а вокруг нее и в губернии возникают дачные усадьбы высшей аристократии. В строительстве таких усадеб участвуют известные архитекторы, создавая великолепные образы архитектурного и садового искусства. В этих усадьбах возникают первые регулярные парки в Калужской губернии.

В 1782 г. было проведено описание всех усадеб. Большинство имело плодовые сады «регулярные» или «иррегулярные», в последних, видимо, деревья были посажены не рядами. В некоторых усадьбах отмечены «неплодовые регулярные сады»¹. Как правило, плодовый сад ограничивался по периметру и разделялся на части липовыми аллеями. Такой тип плодового сада сохранился в усадьбах до XX века. Пейзажные парки в имениях появились несколько позднее, в самом конце XVIII — начале XIX века. В соответствии с идеями просвещения, в усадьбе должны были органично сочетаться польза и красота, хозяйственная деятельность и естественная природа. Но большинство владельцев ограничивалось только созданием красивого местоположения усадебного дома и зрительной связью его с окружающей природой. Только единицы стремились преобразовать всю систему хозяйства, как это сделал Д. М. Полторацкий в своем имении Авчурино, где были использованы передовые идеи в сельском хозяйстве того времени — четырехпольный севооборот, посадки картофеля, посев клевера, применение плугов, культиваторов, молотилок, разведение европейских пород скота.

Если охарактеризовать общие черты усадьбы, сложившейся на рубеже XVIII—XIX веков, то увидим следующее: усадебный дом расположен на возвышенности, как правило, на крутом берегу реки. Здание становилось центром не только усадебных построек, но и всей местности, ориентиром, видимым с дальних концов имения. В то же время от дома открывалась обширная пейзажная панорама. Для постепенного перехода от зданий к естественной природе создавалось пейзажное окружение из нескольких групп деревьев, что создавало передний план для открывающейся пейзажной картины. Это пейзажное окружение нельзя назвать парком, настолько оно невелико. Настоящие пейзажные парки были не во многих усадьбах, и, отвечая духу времени, в них устраивались различные романтические беседки. Большинство усадеб имели регулярные парки в виде рощ, так как деревья не стриглись. Таким образом, вокруг усадебного дома могли быть устроены: регулярный парк, пейзажный (или пейзажное окружение) и плодовый сад, рядом же было и оранжерейное хозяйство.

¹ Описание Калужского Наместничества, 1782.

Для примера возьмем две усадьбы — Городня и Авчурино. Первая принадлежала князьям Голицыным. В самом конце XVIII века усадьбу решили перестроить, для чего был приглашен архитектор А. Воронихин. Вместо деревянного дома, бывшего здесь, он разрабатывает проект двухэтажного особняка с двумя деревянными флигелями и официантскими. Дом относительно небольшой, расположен на высокой террасе, виден издали и производит величественное впечатление. По одну его сторону регулярный липовый парк-роща, а по другую, внизу террасы, два пруда и пейзажный парк. Судя по литографиям прошлого века, он представлял единое пространство с отдельными группами деревьев; таким образом, от дома открывалась обширная пейзажная панорама. В начале XX века парк был перестроен с образованием нескольких полян.

Другая усадьба — Авчурино. В 1792 году это имение приобретает Д. М. Полторацкий и создает образцовую усадьбу того времени. Она развернута вдоль Оки. Перед домом пруды, рядом пейзажный парк. Вдоль всей усадьбы открываются великолепные виды на Оку, а пейзажный парк играл роль рамки для них. В начале XX века парк был перестроен и дополнен.

Интересно проследить становление городских общественных садов. Первый общественный сад в Калуге был построен в 1782 году при загородной даче губернатора архитектором П. Р. Никитиным. Это была типичная усадьба — здание у крутого спуска к реке, а с другой стороны регулярный парк, рядом устроена оранжерея и хозяйственные постройки. Калужский городской парк возник позднее, он начался с бульвара, посаженного в 20-е годы XIX века, в 40-е годы его превратили в парк. После этого неоднократно дополняли и перестраивали, но регулярная планировка сохранилась. Он расположен на обрывистом берегу Оки с прекрасными видами на противоположный берег. Городской и загородный парки были взяты за образец для строительства парков в уездных городах, развернувшееся во второй половине XIX века. Их располагали на высоких местах, с красивым видом на реку. Планы у всех очень простые — из нескольких пересекающихся аллей. В самых красивых местах устанавливали беседки.

Вторая половина XIX века — это также новый период строительства помещичьих усадеб. Поместья становятся небольшими, дачного типа, состоящими из дома и парка. В них нет былой величественности XVIII века, здание не открыто просторам, оно не доминирует в окружающей местности. Деревья почти полностью скрывают здание. Парк состоит из переходящих одна в другую полян с отдельными перспективами, выходящими за пределы парка. Такой парк мы видим в Березичах — имени Оболенских.

Здание построено в конце XIX века архитектором Гавеманом. Усадьба на высоком холме, но здание не у обрыва, как делалось в XVIII веке, а в глубине парка. На обрыве были устроены лишь две беседки с прекрасными видами. Бросаются в глаза интродуцированные растения: лиственницы, желтая акация, лунносемянник. Это характерно для того времени в отличие от начала XIX века, когда применялись только местные виды. Увлечение необычными растениями — как древесными, так и травянистыми — привело к появлению пышных цветников, с причудливым рисунком из растений, дендросадов, питомников по выращиванию декоративных растений. Дендросад при училище садоводства в Жиздре, заложенный в 1896 году Ф. А. Крюковым, получил золотую медаль на Всемирной выставке в Париже в 1902 году. Сад небольшой — всего один гектар, в нем нет перспектив, он замкнут в себе. Планировка типична для того времени с тщательно прорисованными дорожками в виде кругов и овалов.

Перестраиваются и старые усадьбы. Перед зданиями появляются пышные цветочные садики. Переделываются пейзажные парки с устройством более замкнутых, интимных полян, как это было сделано в Городне и Авчурино.

ПАРК ГОРОДНЯ (Красный городок)

Современное состояние и частичная реконструкция

(Обмеры А. А. Зорина)

1. Дом.
2. Официантские корпуса.
3. Флигеля (не сохранились).
4. Церковь.
5. Новый флигель (не сохранился).
6. Пруды.
7. Плодовый сад.
8. Конный двор.

М. В. Кислицына

ОБЗОР ДОКУМЕНТОВ ЦГАДА ПО ФОНДУ ГОНЧАРОВЫХ

В 1989 году была начата работа с семейным архивом Гончаровых, хранящимся в Центральном Государственном архиве древних актов (ЦГАДА) под № 1265, по теме «История полотняно-бумажной мануфактуры конца XVIII — начала XX веков». По данной теме было выявлено 86 документов, из них просмотрено и изучено 20.

Материал архивного фонда Гончаровых отражает различные стороны экономической и социальной жизни мануфактуры: капиталы предприятия, источники снабжения сырьем, организацию сбыта, состав рабочей силы и характер ее эксплуатации, положение и классовую борьбу фабричных.

Производство полотняных изделий было широко распространенным занятием уже в XVIII в., однако это в основном были узкие полотна, которые пользовались спросом не только на внутреннем, но и на внешнем рынке. Русские полотна в огромных количествах посылались в Индию, Англию вследствие его дешевизны, но как раз эта дешевизна не удовлетворяла русских производителей: «Во всех европейских государствах делают полотна широкие, отчего промыслами и работами широких полотен от больших цен имеют много народное пополнение... А в Российском государстве от таких негодных узких полотен, которые самими малыми за негодностью ценами продаются, не токмо прибыток, но и своих издержанных вещей не получают» (ЦГИАЛ, оп. 1, д. 61). С началом строительства флота в XVIII в. государство имело нужду в парусине для кораблей. По приказам Петра I начинают строиться мануфактуры по производству парусных полотен. Одна из таких мануфактур по Указу Петра I от 7 марта 1718 года строится на реке Суходрев в Малоярославецком уезде купцом Тимофеем Филатовым-Карамышевым. В архиве сохранился этот документ (оп. 2, д. 25, л. 9), в котором говорится следующее: «Велено построить Тимофею Филатову для делания парусных полотен заводы в том месте, где приищется; и тот завод умножить; и к тому заводу, сколько понадобится нанимать рабочих людей и покупать нужные для того припасы».

Компьюнами Филатова-Карамышева были посадский человек из Калуги А. А. Гончаров и его племянник Г. И. Щепочкин. Официальное включение А. А. Гончарова и Г. И. Щепочкина в состав компании Филатова состоялось в 1732 году. В ЦГАДА имеется копия этого документа на листе 1825 года А. Гончарова (оп. 2, д. 25, л. 2). В этом документе Филатов-Карамышев просит о принятии в компаньоны А. А. Гончарова и племянника Г. И. Щепочкина, проявивших ревностное старание. А. А. Гончаров внес в предприятие 15 тыс. руб., Г. И. Щепочкин 5 тыс. рублей.

После смерти Филатова-Карамышева (1735 г.) состоялся раздел фабрики между А. А. Гончаровым и Г. И. Щепочкиным с тем, «чтобы каждый в своей части прилежнее рачить мог». Об этом сообщается в записи (оп. 2, д. 44, л. 2), учиненной между А. А. Гончаровым и Г. И. Щепочкиным о разделе фабрик.

Большой интерес из просмотренных материалов представляют документы, относящиеся к бумажной мануфактуре Гончаровых. Основана бумажная фабрика была Филатовым-Карамышевым в

1720 году, на которой использовались отходы полотняного производства. А. А. Гончаров расширил бумажную фабрику. В «Топографическом описании Калужского наместничества» сообщается, что эта фабрика была разбросана «в трех местах на р. Суходрев, да близ оных на р. Шани».

Бумажная фабрика А. А. Гончарова считалась одной из крупнейших в Европе и была в числе четырех бумажных мануфактур, построенных при Петре I.

Имеется ряд документов в архиве, рассказывающих об обследовании государственными чиновниками гончаровских фабрик. Один из таких документов (оп. 2, д. 92, л. 1) относится к 1746 году. Это аттестат, выданный А. А. Гончарову ассессором Межениновым об осмотре состояний фабрик. Аттестат свидетельствует, что «мануфактура порядочно и богато учреждена, парусных полотен и бумаги разных сортов делается добрым мастерством».

На мануфактуре выпускалась бумага различных сортов: книжная, писчая, оберточная, рисовальная, почтовая, картузная, газетная и т. д. Несколько номеров вырабатывали писчую бумагу: александрийскую, полуалександрийскую, голландскую, полуголландскую.

В ЦГАДА имеются образцы бумаги, изготовлявшейся на фабрике Гончарова с замечаниями о ее качестве и формате (оп. 3, д. 117). Очевидно, постоянным заказчиком у Гончаровых был Кунин. На многих образцах бумаги встречаются его замечания по цвету и гляncy. В 1888 году он заказал у Ольги Карловны Гончаровой следующую бумагу: почтовую, писчую, газетную — итого 767 пудов (л. 4). 1889 годом датирован заказ им бумаги: полуалександрийской, почтовой, картузной, конвертной (л. 94). 50 стоп (1 стопа — 480 листов) он заказал только александрийской бумаги (л. 79, 80).

Есть образцы рояльной бумаги по цене за стопу 6 рублей 25 копеек, на которой печатались все брошюры: отчеты, журналы, протоколы и проч. Много образцов голландской бумаги, поставленной в Московскую типографию в 1849 году, 1852 году.

Большой интерес для нас представляет Указ мануфактур — коллегии надворному советнику Гончарову о клеймении бумаги 1800 г. (оп. 2, д. 309, л. 1). В нем говорится о том, чтобы в течение месяца были доставлены рисунки, знаки о клеймении бумаги, чтобы всегда можно было видеть, в каком месте и на чьей фабрике бумага сделана. На образцах бумаги имеются знаки Герба Гончаровых или фамилия Гончарова с датой выпуска бумаги.

Около 90 % бумаги Гончаровы продавали в Москве и на фабрике, остальную сбывали в Калуге, Смоленске, Вязьме, Петербурге и немного бумаги расходовали в собственном хозяйстве, о

чем свидетельствует книга отправки бумаги в Москву и разные места за 1759 год (95 листов), (оп. 1, д. 100). Сохранилась также копия контракта о поставке бумаги в Московскую типографскую контору (оп. 2, д. 143). Кроме продажи на вольном рынке, Гончаровы поставляли высокосортную бумагу в Синодальную типографию для печатания духовных книг. Это подтверждает Указ мануфактур-коллегии о подряде на производство бумаги для Московской Синодальной типографии 1803 г. (оп. 2, д. 326, л. 1).

Поставка Гончаровыми бумаги в Московскую Синодальную типографию продолжалась около 35 лет. Бумага Гончаровых отличалась высоким качеством; по отзыву неизвестного современника А. А. Гончаров «бумажную фабрику привел в такое состояние, что бумага его почиталась первою в России» («Урания», Калуга, 1804, с. 114).

В архиве имеется Дело о награждении А. Н. Гончарова серебряной медалью на 2-й Выставке Российских изделий в Москве за приготовление на его фабрике белой бумаги в 1831 году (оп. 4, д. 17, л. 1).

Большой интерес представляют документы архива, касающиеся родословной Гончаровых.

В ЦГАДА сохранилась копия Указа о пожаловании чином коллежского асессора «в ранге майоровском» в 1742 году А. А. Гончарова за распространение фабрик, особенно бумажной (оп. 3, д. 2478, л. 1).

Внук А. А. Гончарова, Афанасий Николаевич Гончаров, получил Дворянскую грамоту от Губернского предводителя дворянства и уездных дворянских депутатов, в которой сказано, что Гончаров и род его внесен в дворянскую родословную Калужской губернии книгу в 1790 году (оп. 4, д. 14, л. 1).

Очень ценна для нас копия с Герба Гончарова 1803 г. (оп. 4, д. 60, л. 1, 2).

Герб Гончарова представляет собой щит, разделенный горизонтально на две части, из коих в верхней в голубом поле изображена серебряная Звезда шестиугольная. В нижней части в красном поле серебряная шпага, перпендикулярно остроконечием обращенная вниз. Щит увенчан обыкновенным Дворянским шлемом со страусовыми перьями. Налет на щите голубой, подложенный серебром.

Интерес также представляют ученические тетради Н. Н. Гончаровой на голубой бумаге фабрики Гончарова (оп. 3, д. 139). Тетради подшиты в книгу, в ней представлены ученические тетради Н. Гончаровой по «Российскому синтаксису» 26 января 1822 г. (л. 147), французскому языку (л. 1—58), географии, а также «Курс мифологии» 23 мая 1822 года.

Были также изучены материалы, в которых даны: описи вещей в доме 1832—1836 гг. (оп. 2, д. 452, л. 1—48), опись большого дома и имущества в нем 1833 г. (оп. 1, д. 2574), реестр домашнего имущества Ивана Николаевича Гончарова 1856 г. (оп. 2, д. 1290). Эти документы в будущем помогут при воссоздании интерьеров в доме Гончарова в Полотняном Заводе.

Из сказанного следует, что изучены 1/4 документов по теме «История полотняно-бумажной мануфактуры конца XVIII — начало XX веков». Эти материалы представляют определенный интерес, т. к. многие из них будут представлены в экспозиции будущего музея Полотняного Завода — одного из интереснейших мест России.

Г. М. Журова

ГЛИНЯНАЯ ИГРУШКА В СОБРАНИИ МУЗЕЯ

Игрушка — особый вид народного искусства: нехитрая забава, детская «потеха», как в старину называли игрушку, — явление сложное, многоликое, глубокое. За исключением некоторых погрешек и свистулек, предназначенных для определенных игровых целей, многие лепные и раскрашенные фигурки исполнялись для развлечения, «любования», а в XIX—XX веках — даже для украшения в быту, наподобие фарфоровых статуэток.

В собрании нашего музея представлены произведения разных центров страны. Мы остановимся на характеристике промысла трех таких центров: Дымково, Филимоново и Хлуднево, так как именно эти три центра наиболее полно представлены в музее.

В древности, во времена язычества, малая традиционная пластика нередко выступала в роли аксессуара ритуальных обрядов сельскохозяйственной и охотничьей магии. Многие фигурки людей и животных, миниатюрные сосуды были вотивными предметами, то есть изготовлялись по обету. Фигурки животных могли быть и изображением тотемов.

Скупая, сдержанная, но выразительная орнаментировка или раскраска древних скульптурок отражала представления человека о природе, о космосе, его стремление заручиться поддержкой стихийных сил, языческих богов. Образ коня, красная окраска, такие элементы орнамента, как круг, квадрат, крест, связаны с культом солнца, солнечного божества.

Отголосок древних культовых представлений несет в себе русская глиняная игрушка XIX—XX вв.

Для многих центров изготовления игрушки Средней России — Орловской, Рязанской, Тульской, Калужской областей — типичны фигурки женщин с обнаженной грудью, держащих на руках детей или птиц. При всех местных вариантах трактовки им присущи общие черты. Фигурки статичны, фронтальны; небольшие размеры не лишают их значительности, величавости. Они очень обобщены и примитивны — части тела едва намечены и почти не расчленены в едином грубовато вылепленном объеме. Первобытная примитивность в технологии изготовления и трактовке образа, мнимая наивность, за которой кроется большая сила выверенности, абсолютной точности лаконичной лепки, свойственна игрушке — предельно статичной, обобщенной, торжественной и несколько таинственной.

Несмотря на постоянство глиняной игрушки в каждой местности, где ее делали, сложились свои традиции и в лепке, и в росписи, излюбленные образы и типы.

Уже более 170 лет пишут и более 80 лет собирают в музеях дымковскую игрушку (слобода Дымково, пригород Вятки).

В 1880 г. производство дымковской игрушки доходило до ста тысяч в год. Ее знали не только в Вятской губернии, но и за ее пределами, демонстрировали на художественно-промышленных выставках.

В развитии дымковской игрушки различают три этапа:

I этап — XIX в. (их сохранилось очень мало), II этап — рубеж XIX—XX вв., III этап — советский.

Еще в XIX в. сложился характерный тип дымковских игрушек, изображавших дам в городских нарядах и «кормилок» (нянек) с детьми на руках. Линии силуэта фигурок плавны, округлы. Игрушка традиционно фронтальна. Но эта традиционность позы не лишает игрушку объемности. Она тщательно проработана со всех сторон и живет в пространстве. Фигурка миниатюрна. В лепке основой является юбка, кофта с рукавами-воланами и кокошник. Они украшены ромбиками золотой потали (тончайших листочков из сплава меди и цинка), или золотом, а юбка расписана кругами и клетками. К юбке-«ступке» отдельно прикреплена шарик-голова, руки — калачиком, фигурки детей и т. д.

Роспись исполнялась по меловому грунту (мел разводили на снятом молоке), отчего краски, растертые на яичном желтке, звучали мягко, приглушенно, как бы отдавая грунту часть звучности своего цвета.

Игрушки строги и аккуратны, им свойственно особое изящество и выразительность.

Необычайно красочны и ярки игрушки деревни Филимоново Одоевского района Тульской области. Они тоже представлены в собрании музея.

Филимоновскую игрушку отличает нарядная декоративность. В палитре красок господствуют три-четыре цвета — красно-малиновый, желтый, зеленый, иногда еще и синий. Краски наносятся прямо на поверхность глины белого или чуть желтоватого цвета после обжига. Фигурки пластичны, мягки, компактны, пропорциональны. Они отличаются изяществом, стройностью.

Филимоновская игрушка — это крестьянки, звери, птицы, но она не похожа на другие и имеет множество вариантов каждого образа.

Характерны высокие стройные крестьянки с юбкой-колоколом — устойчивым основанием фигурки. Сплошной окраской и чередующимися цветными полосами обрисована одежда — кофта, юбка, передник с узорным подолом, повойник на голове — типичная одежда тульских крестьян. Лица фигурок едва обозначены точками глаз и рта — так обычно рисуют дети.

Традиционная роспись в полоску или простейшими точками и кругами придает филимоновским фигуркам, будь то крестьянка или солдат, или свистульки — веселый сказочный облик.

И, наконец, игрушка из Хлуднева Думиничского района Калужской области. Коллекция этого промысла в собрании музея значительна и постоянно пополняется.

Промысел в Хлудневе возник истари. В музейной коллекции представлены современные игрушки, старых, к сожалению, нет.

Хлудневскую игрушку лепят из «синей» глины, которая после обжига дает белый с кремовым оттенком цвет (цвет топленого молока). Обжигают игрушку в горне, во дворе.

Хлудневская игрушка имеет свои особенности в пластике и колорите, она несколько уступает филимоновской и дымковской. Незрелость традиционных приемов лепки и пластики в хлудневской игрушке особенно обнаруживается на приеме изображения коня: «Барин на лошади» с дугой, кл. № 101, автор Самошенко; «Всадник», кл. № 15, автор Трифонова.

Этот самый распространенный в русском народном творчестве мотив всегда остро характерен, быстро узнаваем. В хлудневском зверьке, на котором восседает всадник, узнать коня трудно, это слабая сторона творчества мастериц Хлуднева. Но по богатству и разнообразию рисунка хлудневские фигурки наиболее интересны.

Хлудневские мастерицы работают в традиционных рамках, созданных безмянными мастерами в течение многих веков. Они блестяще решают сложнейшие задачи построения многофигурных композиций, не дробя общую массу скульптуры, не теряя единства и выразительности силуэта. Таковы: «Гнездо птиц» мастера Самошенко, «Птицы в лодке» мастера Трифоновой, «Всадник на трехглавом коне», «Гнездо» и др.

Почти все хлудневские игрушки снабжены свистком с двумя отверстиями. Свисток то спрятан в хвосте коня, то представлен в виде сучка, на котором устроилась кукушка или целое гнездо птенцов.

Роспись хлудневской игрушки — это полосы, чередующиеся по цвету, перемежающиеся с белыми незакрашенными линиями. Линии хлудневской игрушки волнистые, палитра похожа на филимоновскую: малиновая (красная), синяя, зеленая, реже — желтая. Излюбленная краска — фуксин. Красители — водорастворимые. Как и в Филимонове, краски растворяют на желтке куриного яйца. Хлудневские мастерицы, оставаясь в русле местной традиции, каждая имеет свой почерк, который легко улавливается их односельчанами, а также знатоками игрушки-скульптуры. Традиция не мешает проявлению одаренной личности. Хлудневская игрушка, как и другие типы народной игрушки, несет в себе черты общечеловеческие и региональное своеобразие, и индивидуальную работу мастера. Все это накрепко и гармонично спаяно в одно целое и создает неповторимый феномен подлинного искусства.

Народная игрушка-скульптура не канула в небытие, дожила до наших дней благодаря высоким художественным качествам. Любой образ в народном творчестве овеян тонким поэтическим чувством, остроумной шуткой, живой фантазией, сказочностью. Игрушка проста, лаконична, выразительна, как пословица.

Народная игрушка — настоящее произведение искусства, имеющее свою историю и вызывающее немалый интерес у всех, равнодушных к прекрасному.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов Г. Эхо языческих времен. Журнал Москва, № 9, 1990.
2. Блинов Г. Сказки без слов. Тула, 1974.
3. Блинов Г. Чудо-кони, чудо-птицы. М., 1977.
4. Богуславская И. Русская глиняная игрушка, л., 1975.
5. Добрых рук ремесло. Сборник. М., 1976.

Г. Б. Сафонова

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКИХ НАРОДНЫХ УКРАШЕНИЙ КАЛУЖСКОГО КРАЯ XIX — нач. XX вв.

Ярким и выразительным дополнением к народному костюму Калужского края были различные съемные украшения. Это издавна известные серьги-«двойчатки», различные типы ожерелий — «чепки», «королески», приставные воротники — «языки», бусы. Съемные украшения на протяжении долгого времени выпол-

няли функцию амулета. Им приписывались целебные или обереговые свойства, они играли значительную роль в народных поверьях и обрядах. В XIX в. их основное значение сводится к украшению костюма, их ценность раскрывается в эстетических качествах.

В коллекции Калужского краеведческого музея насчитывается около трех десятков женских народных украшений, связанных происхождением с Калужской землей. Некоторые из них поступили из музея при губернской Ученой архивной комиссии в нач. XX в., большая часть в 1920-е годы и в результате приобретений последних десятилетий.

Все украшения выполнены из недорогих, доступных народным мастерицам материалов: бисера, стекла, кости, граненых цветных стекол, бусин гутного (дутого) стекла. Лишь в самых ранних изделиях встречается привозной перламутр. Художественный эффект, производимый этими украшениями, очень ярок и своеобразен. Они нисколько не уступают украшениям из драгоценных камней, металлов, жемчуга и с полным основанием могут быть названы ювелирными.

Самыми ранними изделиями в коллекции музея являются несколько пар серег-«двойчаток», бытовавших до последней четверти XIX в. и получивших название по своей форме — в виде двух подвесок, соединенных у основания. Серьги из с. Гремячево Перемышльского уезда выполнены из тонкой медной проволоки с нанизанными ограненными стеклянными бусинами, производящими впечатление хрустальных. На других серьгах, происходящих из этого же села, привлекает внимание резной орнамент в виде концентрических окружностей, выполненный на окрашенных в малиновый цвет костяных бусинах. В качестве материала для серег использовался и белый камень местного происхождения, одна из разновидностей кальция (с. Корекозово, Перемышльский уезд).

В начале XX в. в украшениях начинают широко использоваться бусины гутного (дутого) стекла. Серьги-«двойчатки» из д. Варваренки Перемышльского уезда лишь отдаленно сохранили традиционную форму. Они выполнены из крупных дутого стеклянных бусин, но их расцветка не лишена своеобразия. Серебристые, бледно-розовые и светло-голубые бусины подражают неброскому мерцанию жемчуга. Претерпевает изменения и форма серег. Более популярными становятся серьги крестчатой формы с одной крупной подвеской литого фабричного стекла. В начале XX в. широко бытовали самодельные серьги из перьев, гусяного пуха — «пушки» круглой формы.

В группе нагрудных ожерелий своим необычным названием выделяется «борода», выполненная в виде сетчатой поднизи из цветного бисера. Украшение поступило в музей в 1985 г. в составе приданного, происходящего из д. Бабынка Мосальского уезда (ныне Спас-Деменский район). В коллекции музея это единственное ожерелье подобного типа втор. пол. XIX в. Интересен способ его бытования: такую «бороду» носили все женщины независимо от возраста, даже девочки с 5 лет и старухи, в отличие от всех остальных украшений, способ ношения которых регламентировался возрастом. Орнамент бисерной поднизи в виде ряда вписанных друг в друга перекрещенных ромбов передает символику плодородия.

Более поздней разновидностью подобного типа украшений является ожерелье из дурых стеклянных бусин различного размера из д. Верховая Калужского уезда. Оно названо «в клетку» в подражание жемчужным поднизям северных областей России. Мягкие, переходные тона расцветки стеклянных бусин создают тонкие переливы цвета: от янтарного к золотистому, от небесно-голубого к более теплому бледно-розовому. Использование крупного стекляруса зрительно немного утяжеляет поднизь, это подчеркивается и массивными бусинами, расположенными в нижней части.

Бисерные и стеклярусные народные украшения, кроме Калужского края, бытовали в Рязанской, Тульской областях. Аналогичные украшения встречались в западных областях Украины, на Правобережье Днепра и в юго-восточных районах Белоруссии.

Из бисера выполнялись и такие нагрудные украшения, как «чепка». В более ранний период они плелись целиком из бисера в виде длинной, средней ширины цепочки, одеваемой на шею и спускавшейся на грудь. «Чепка» нач. XX в. из д. Голодское Перемышльского уезда выполнена из полосы синей полушерстяной ткани, отделанной мелким прозрачно-золотистым бисером. Узор шитья изображает извилистый растительный побег с пятилистниками на концах. Интересно отметить прием бисерного шитья, выполненного по льняному шнуру и почти полностью имитирующего технику жемчужного шитья предыдущих столетий.

В комплекте с этой «чепкой» одевалось другое украшение — «язык» («поддушник»), самым своим названием указывающее на древнюю связь женских украшений с представлениями о душе. Оно выполнено в виде узкого приставного воротника со спускающейся на грудь орнаментированной полосой ткани. В узоре — ряд солярных знаков с ростками по краям.

Приобретение последних лет — «язык» («поддушник») из д. Хохловка Перемышльского района начало XX в. из полушерстяной вишневой ткани отделан ограниченными цветными стек-

лами, подобранными в тон ткани фона. Эти, не без мастерства выполненные «драгоценные камни», придают простому народному украшению изысканность и законченную выразительность.

Бытование съемных женских украшений тесно связано с народным костюмом, неотъемлемой частью которого они являются. Вместе с тем, это своеобразное художественное явление, проявившееся в творчестве народных мастериц, сумевших из недорогих, доступных материалов создать поистине ювелирные изделия.

Т. М. Хохлова

О ЛИТЕЙНЫХ ФОРМОЧКАХ СЕРЕНСКОГО ГОРОДИЩА

В 1966—1969 гг. во время работы археологической экспедиции ИА АН СССР под руководством Т. Н. Никольской на детинце Серенского городища были найдены 34 литейные формочки. Большая часть опубликована Т. Н. Никольской в работах «Земля вятичей» и «Литейные формочки древнерусского Серенска». В этом докладе хотелось бы остановиться на вопросе более точной датировки формочек.

По технике исполнения изображений их можно подразделить на 3 группы. Первую группу составляют 8 формочек, имитирующих мелкую и крупную зернь и скань. Изображения выполнены в контррельефе, с высоким качеством. По мнению Т. И. Макаровой и других исследователей, расцвет сканно-зерневого убора начинается в правление Ярославичей с XI в., а окончательно художественный облик таких изделий складывается в XII в. Видимо, и подражания этим богатым уборам появились в это же время, что подтверждается находками литых имитационных украшений в Новгороде, Ярополче Залесском, в Волжской Болгарии и Прикамье, в курганах Московской, Смоленской, Костромской областей, где они датируются нач. XII — 1-я пол. XIII вв. Изготовлены были эти формочки в Киеве и предназначались для изготовления таких украшений в северо-западных и северо-восточных областях Руси.

Изображения литейных формочек второй группы более просты, хотя техника исполнения резьбы по-прежнему высока. Часть из них выполнена в низком рельефе: четыре из них — для изготовления браслетов-наручей, одна — привесок и одна — перстней. Остальные — в контррельефе. Формочки, аналогичные формочкам с изображением крестиков с ложной сканью и зернью встречены на Райковецком городище и на Флоровой горе в Киеве. По находкам изделий, близких изображениям на формочках, в Киевской губ., Смоленской обл. и Новгороде их также можно датиро-

вать нач. XII — сер. XIII вв. Формочки и этой группы изготовлены в Киеве.

И совершенно непохожа на формочки первых двух групп формочка для изготовления привески с крестом. Формочки с близкими по изображению привесками найдены на Райковецком городище, на Флоровой горе в Киеве, в Чернигове. Круглые непрорезные привески с крестовидным орнаментом бытовали на территории Восточной Европы в XI — нач. XII вв. Таким образом, эту формочку можно датировать более точно, чем предыдущие — 1-й пол. XII в.

В нашем собрании находится единственная подписная формочка с именем киевского мастера Макосима. По этой формочке в Серенске отлиты нательные крестики с квадратным средокрестием и шариками на концах. Подобные крестики по находкам в Новгороде и Ярополче Залесском датируются XII—XIII вв.

Таким образом, серенские формочки можно датировать нач. XII — 1-й пол. XIII вв. и предположить, что они предназначались для других центров Руси, и, видимо, мастера были задержаны в Серенске событиями междоусобной войны между Ольговичами и Мономаховичами или монголо-татарским нашествием.

А. И. Осипова

ИЗ ИСТОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕРКОВНОГО БРАТСТВА ПРЕПОДОБНОГО ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО ЧУДОТВОРЦА (последняя четверть XIX — нач. XX вв.)

В 1857 г. в Калужской губернии насчитывалось 19 358 человек старообрядцев. Указом от 20 января 1858 г. раскол был изъят из исключительного ведения администрации. В том же году Министерством внутренних дел было издано постановление, которое частично ограждало старообрядцев от преследования за религиозные убеждения. Это означало прекращение существования «тайных раскольников».

В 1859 г. боровский протоиерей Е. Чертков доносил: «Число раскольников увеличилось... к этому способствует: 1) уравнение прав купцов на постоянном и временном праве. Последние, как и первые, освобождены от рекрутской и подушной повинностей, а потому свидетельства о православии сделались орудиями против раскола недействительными... 2) ограничение действий полиции и духовенства по отношению к расколу. Высочайшим повелением 1858 г. и в особенности превратного толкования сего повеления,

На основании сего повеления раскольники проповедуют совершенную свободу...». В ответ на это боровское духовенство намеревалось продолжать борьбу со старообрядчеством своими силами. Для этого необходима была организация, подобная Братству Петра митрополита в Москве и Братству Иоанна Богослова в Калуге. Так появилось церковное Братство Преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца. О деятельности Братства можно судить, опираясь на его ежегодные отчеты (с 1883 по 1900 гг.).

Церковное Братство преподобного Пафнутия Боровского Чудотворца было открыто 11 сентября 1883 г. по инициативе епископа Калужского и Боровского Владимира. Будучи в 1881 г. в Боровске, епископ был поражен тем, что «городовое общественное управление, и управление общественным банком, а равно и самая торговля, находились... в руках раскольников; где из восьми тысяч жителей только осмая часть принадлежит к православию, где, наконец, из девяти приходских церквей только при пяти имелись причты». Поэтому уже в 1882 г. при двух приписных церквях г. Боровска (Христорождественской и Пятницкой) были открыты самостоятельные приходы, куда настоятелями были назначены священники, знакомые с историей старообрядчества. Миссионерские собеседования со старообрядцами стали проводиться по воскресным дням, начиная с ноября 1882 г. Однако было ясно, что борьба со старообрядчеством для одного духовенства, «без материальной и нравственной поддержки со стороны православного общества», будет непосильной. Создание Братства предусматривало расширение круга активных противников старообрядчества, имевших возможность оказывать финансовую поддержку миссионерам.

Цели Братства преподобного Пафнутия были провозглашены в его Уставе. Главной для Братства была духовно-просветительная работа среди старообрядцев: «разъяснение истин веры и правил благочестия» и «деятельность по обращению в лоно православной церкви раскольников — глаголемых старообрядцев». Для этого были организованы библиотека Братства и книжная лавка, в которой продавалась и раздавалась бесплатно литература с обличением старообрядчества. По воскресеньям должны были проводиться открытые собеседования православных священников миссионеров с боровскими старообрядцами.

Главой Братства был избран настоятель Пафнутьева монастыря архимандрит Дионисий (умер в 1894 г.), затем его сменил архимандрит Пимен. В первый год существования Братство состояло из 9 пожизненных членов, 300 действительных и 200 членов-сореволюционеров. В числе членов Братства, или братчиков, состояли священники и причты всех боровских городских и уездных церквей, а также представители духовенства из других рос-

сийских губерний; монахи различных монастырей, мещане г. Боровска и других уездных городов, боровские дворяне, представители городской интеллигенции, военные. Характерно, что среди членов Братства было очень мало купцов: большинство из них были старообрядцами. В списках членов Братства находим имена профессора архитектуры М. Т. Преображенского, оптинского монаха Амвросия, известного исследователя русского раскола Н. Субботина. В последующие годы состав Братства постоянно изменялся (таблица 1).

Таблица 1

Состав церковного Братства преподобного Пафнутия
Боровского Чудотворца (по отчетам Братства за 1883—1902 гг.)

Год	Почетных членов	Пожизненных членов	Действительных членов	Членов-соревнователей
1883/84	—	9	300	200
1885/86	4	13	138	300
1886/87	5	16	152	320
1888/89	6	21	152	340
1889/90	6	19	77	40
1892/93	5	18	69	—
1893/94	5	18	50	—
1895/96	6	17	50	—
1896/97	5	13	40	—
1898/99	5	13	57	—
1900/01	5	9	30	—
1901/03	5	4	41	—

Деятельностью Братства руководил Совет. Совет был выборным и состоял из наиболее авторитетных горожан. У Председателя Совета, архимандрита Дионисия, было два товарища Председателя: протоиерей Благовещенского собора о. Василий Казанский и председатель Боровской Земской Управы Евтихий Михайлович Челищев. Совет имел казначея, которым на протяжении долгого времени был священник Троицкой и Борисоглебской церквей о. Симеон Смирнов, и делопроизводителя. В числе прочих членов в разное время состояли уездный врач И. В. Ададуров, исправник П. И. Гетманенко, аптекарь В. А. Афанасьев, штатный смотритель боровского уездного училища И. И. Извеков, городской судья А. М. Крюков и городские священники о. Иоанн Жаров, о. Александр Соколов, о. Федор Городецкий, о. Михаил Извеков, о. Иоанн Чистяков, о. Е. Чертков.

Заседания Совета Братства проходили дважды, иногда трижды в год. На них обсуждались проблемы миссионерской деятельности и финансовые вопросы: о поступлении взносов и их распределении на благотворительные цели и нужды Братства.

Главной формой деятельности Братства, как уже упоминалось, были публичные собеседования со старообрядцами, проводившиеся в воскресные дни в Пятницкой церкви. Миссионерами были назначены члены Братства, священники о. Василий Казанский (Благовещенский собор), о. Иван Жаров (Пятницкая церковь), оо. Александр Соколов и Михаил Извеков (Христорождественская церковь), о. Федор Городецкий (Крестовоздвиженская церковь).

Беседы начинались в шесть часов вечера и продолжались иногда до десяти часов. О времени их начала жителям города возвещалось мерными ударами большого колокола на Пятницкой колокольне. К началу собеседований в Пятницкую церковь собирались городские священники. Часто беседы посещал архимандрит Дионисий. Затем один из священников, чаще всего заведующий Боровской миссией протоиерей Василий Казанский, вступительной речью открывал собеседования со старообрядцами.

Во время бесед обсуждались вопросы, вызывавшие наибольшие споры: об исправлении книг при патриархе Никоне, о перестроении, об имени «Иисус», о церковных обрядах, о праве церкви на изменение обрядов, о неприкосновенности догматов веры, об Антихристе и др. Самыми непримиримыми противниками миссионеров были боровские старообрядцы Е. С. Теняев, П. А. Ирошников, Н. И. Каретников-Щукин. Содержание собеседований публиковалось в ежегодных отчетах Братства и распространялось через книжную лавку.

В 90-е годы XIX в. Братство расширило свою миссионерскую деятельность. В уезде было открыто семь его отделений: Спасо-Прогнанское, куда входили села Ворсино, Иклинское, Спасо-Прогнанское, Мальково; Тарутинское (села Тарутино, Буриново, Рыжково, Субботниково, Курилово); Николо-Лужецкое (села Николо-Лужецкое, Веницы, Серединское, Сущево, Зеленино, Юрьевское); Угодское (села Передоля, Любицы, Спас-Загорье, Трехсвятское); Рябушинское (села Роша, Рябушки, Русиново, Федотово); Малоярославецкое; Занажское (села Запажье, Поречье, Поливаново).

При столь активной деятельности Братства за все время его существования число старообрядцев, перешедших в православие, составило чуть более 300 человек, причем некоторые из обращенных впоследствии вернулись в старообрядчество (М. К. Чичкин и др.). Видя это, Братство стало постепенно направлять свои

усилия не на обращение старообрядцев в православие, а на предотвращение перехода православных в старообрядчество. Священник Пятницкой церкви о. Иоанн Жаров так охарактеризовал деятельность Братства за первое десятилетие его существования: «Если мы видим малое число обращающихся из раскола в православие, зато теперь совсем не видим совращающихся из православия в раскол, тогда как до учреждения бесед со старообрядцами православные уклонялись в раскол — каждый год сотнями».

Трудно назвать точное число старообрядцев в Боровске и уезде в конце XIX — начале XX вв.: многие из них скрывали вероисповедание. Однако известно, что в 1897—1898 гг. в самом Боровске было от 6 до 8 тыс. старообрядцев, в уезде же — около 3000 человек, из которых примерно 2,5 тыс. были поповцами, а остальные принадлежали к беспоповцам.

Благотворительность была одним из важных направлений деятельности Братства. Она заключалась в выдаче пособий нуждающимся, обратившимся из раскола в православие, в финансовой помощи бедным православным на венчание, обучение, погребение и т. д. На это ежегодно тратилось от 300 до 500 рублей. Иногда выдавались денежные подарки к Рождеству и Пасхе. В 1885 г. Братство оплатило учебу шести ученикам Боровского уездного училища (по 7 руб. на человека), на следующий год было выделено 30 руб. пяти ученикам училища. Когда 28 апреля 1887 г. в Боровске случился пожар, Братство выделило пострадавшим 200 руб. серебром. Получил пособие в 40 руб. и уездный учитель К. Э. Циолковский.

В 1892 г. в Боровске при Христорожественском приходе была открыта одноклассная женская церковно-приходская школа, в которой обучалось до 35 девочек. На содержание школы Братство тратило от 400 до 500 руб. ежегодно. В 1896 г. школа была преобразована во второклассную женскую учительскую школу. Однако уже через два года, ввиду сокращения взносов, Братство передало школу на содержание государству.

В 1900-х годах активность Братства заметно снижается: сокращается число действительных членов, взносы которых составляли основной доход Братства. В 1905 г. по Манифесту 17 октября старообрядцы получили свободу вероисповедания: они могли строить храмы, учреждать новые приходы, получали равные права со всеми гражданами. В связи с этим деятельность Братства стала постепенно терять смысл, однако оно еще продолжало существовать некоторое время как общественная организация, занимавшаяся просветительской и благотворительной деятельностью.

К ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ Н. В. ГОГОЛЯ В КАЛУЖСКОМ КРАЕ

Второе столетие жизненный путь и творчество Н. В. Гоголя является предметом изучения исследователей в области литературы, языкознания, истории¹. Не осталось в стороне от изучения Гоголевского наследия и краеведение. В 1910 году в «Калужской старине» была опубликована статья А. А. Станиславского о пребывании Н. В. Гоголя в Калуге и Оптиной Пустыни. На год ранее И. Щеглов в сборнике «Подвижник Слова» опубликовал ряд статей, посвященных пребыванию Н. В. Гоголя в Калужском крае. Н. М. Маслов, Н. Н. Анисимов, В. И. Сорокин, А. С. Пехтерев, В. А. Пухов продолжили и ныне продолжают публиковать статьи и книги о Н. В. Гоголе. Одна из последних публикаций — тезисное изложение темы «Гоголь и Оптина Пустынь» М. Ф. Антонова².

К сожалению, сведения о пребывании Н. В. Гоголя в Калужском крае (время поездок; места, связанные с пребыванием; круг людей, с которыми общался писатель) скудны, а иногда и противоречивы. Около 30 лет из одного сборника в другой перепечатывается ошибочный материал о «домике Гоголя» в Оптиной Пустыни. В ряде публикаций ставится под вопросом пребывание Н. В. Гоголя в Оптиной Пустыни в 1850 году. Долгое время исследователи считали, что в 1851 году Н. В. Гоголь был в Оптиной Пустыни лишь в сентябре.

В связи с подготовкой музейной экспозиции в Оптиной Пустыни нам еще раз пришлось обратиться к данной теме, чтобы уточнить исторические сведения о пребывании великого писателя на Калужской земле. Основой для данной работы стали многочисленные исследования XIX века, воспоминания современников писателя и, конечно, переписка, которая дала большой фактический материал в освещении событий жизни, желаний и возможностей Н. В. Гоголя. Анализируя письма вместе с другими опубликованными источниками, мы получили возможность и постарались ответить на ряд «спорных» вопросов о пребывании Н. В. Гоголя в Калужском крае.

В 1845 году в письме к А. О. Смирновой Н. В. Гоголь впервые выразил желание посетить Калугу. Но его приезд состоялся только в 1849 году. До этого ни город, ни дорога, которая пролегла через Калугу, Козельск, Белев на Полтаву, не были писателю знакомы. Об этом свидетельствует переписка Н. В. Гоголя с А. О. Смирновой (см. письмо к А. О. Смирновой от 27 мая и 15 июня 1849 года). Мы считаем, что следует придерживаться даты выезда

из Москвы в Калугу не ранее 4—5—6 июля 1849 года, т. к. в первых числах июля Н. В. Гоголь в письмах к А. М. Марковичу и С. А. Данилевскому только «располагает» поехать или посетить губернии в окрестностях Москвы. Это подтверждают и воспоминания Л. И. Арнольди³. Не позднее 27—28 июля Н. В. Гоголь вернулся из Калуги в Москву. 29 июля датируется его письмо в Калугу к А. О. Смирновой: «Я жалею, что приехал к вам рано. Нужно было мне приехать месяц спустя, чтобы вы в Калуге хорошенько обжились. Я бы тогда (приехавши в другой раз) прожил дольше, ...».

Памятные места, связанные с пребыванием Н. В. Гоголя на Калужской земле в 1849 году: Малоярославец (почтовая станция, трактир), Бегичево, Полотняный Завод, Калуга (Загородная дача губернатора, флигель дачи, дом губернатора, гостиный двор, книжный магазин Антипина), Ромоданово. Встречи и знакомства в Малоярославце с городничим, половым в трактире, в Калуге — А. О. Смирнова, Н. М. Смирнов, Л. И. Арнольди, В. Я. Быковский, И. Т. Мартынович, А. И. Мартынович, Д. А. Оболенский, Христофор — слуга Смирновых, А. Н. Антипин.

1850 год. В июне 1850 года Н. В. Гоголь собирается на юг. 5 июня он сообщает А. С. Данилевскому: «Дорогу хочу сделать в Малороссию, чтобы еще повидаться с вами. Так как экипажем заводиться скучно, да и расходно по моим обстоятельствам, то я присоединился к Максимовичу, который едет отсюда в Глухов... Около 20 июня, я полагаю, мы будем в Глухове» (Н. В. Гоголь ПСС, Л., 1952, т. 14, с. 188). В. И. Шенрок в книге «Материалы для биографии Н. В. Гоголя» опубликовал хронику путешествий Н. В. Гоголя с А. Максимовичем. 13 июня выехали из Москвы в пятом часу (вечера — прим. авт. ст.), с 14 на 15 июня — ночевали в Малоярославце (предположительно в монастырской гостинице — прим. авт. ст.). Утром служили в тамошнем монастыре молебен, напились у игумена чаю (игумен Черноостровского монастыря о. Антоний — прим. авт. ст.) и получили от него по образу Святого Николая; с 15 на 16 ночевали в Калуге и обедали у Смирновой-Россет; 19 июня Гоголь — у Киреевского в с. Долбино; 20 июня у Елагиной в Петрищево; 25 июня в Глухове расстались, Гоголь уехал в Васильевку. Прежде всего надо отметить, что все путешествия на Калужскую землю Н. В. Гоголь совершал по тогда только что проложенному Варшавскому шоссе, т. е. из Москвы через Подольск. Мы полагаем, что в промежуток между 17 и 19 июня Н. В. Гоголь посетил Оптиную Пустынь. Его письмо о. Филарету было написано после посещения монастыря, т. к. писатель обращается к о. Филарету как уже знакомому лицу, прося молитв у настоятеля Оптиной Пустыни и монастырской братии. В. А. Кательников (ж. Русская литература № 1, 2, 4

1989) считает, что Н. В. Гоголь был в Оптиной Пустыни также в этот промежуток времени, ссылаясь на текст, опубликованный в журнале «Домашняя беседа» 1863, вып. 20, с. 460.

В период данного посещения Гоголь познакомился в Оптиной Пустыни с Петром Александровичем Григоровым (в монашестве о. Парфирий), который в 1834 году прибыл в Оптину Пустынь для богомолья, а затем, «рассматривая чиноположение сей Пустыни, — нашел весьма сходными с моими мыслями, вознамерился остаться в оной для обучения себя монашеской жизни...⁴». Переписка между Н. В. Гоголем и П. А. Григоровым впервые была опубликована в книге В. И. Шенрока в 1898 году. Письма о. Парфирия полны патриотического чувства, любви к Родине, русской литературе и Великому Гоголю. Они являются яркой характеристикой культуры общения обитателей Оптиной Пустыни. Автор писем сочетает в них духовное наставничество с почитанием и поддержкой таланта писателя.

Памятные места, связанные с посещением Н. В. Гоголем Калужского края в 1850 году: Малоярославец (Черноостровский монастырь), Калуга (дача губернатора), Оптина Пустынь. Встречи и знакомства: о. Антоний, А. О. Смирнова, Н. М. Смирнов, А. К. Толстой, о. Филарет, о. Моисей, П. А. Григоров.

1851 год. Как стало известно, на последних Оптинских чтениях (доклады Ю. В. Манн и В. А. Воропаева) Н. В. Гоголь в 1851 году был на Калужской земле дважды. Авторы докладов ссылаются на воспоминания, изложенные в книге С. Нилуса «Святые под спудом». С. Посад, 1911. Первый раз — в июле 1851 года при возвращении Н. В. Гоголя из Васильевки в Москву. После чего им и было написано письмо архимандриту Моисею: «Как всякий дар и лепта вдовы приемлется, примите и от меня небольшое приношение по мере малых средств моих (двадцать пять рублей серебром)...⁵».

Второй раз — в 1851 году Н. В. Гоголь едет уже из Москвы в Васильевку уже известным ему почтовым трактом через Калугу, Козельск, Белев на Полтаву. Едет, видимо, без попутчиков, купив себе для езды коляску, желая подарить ее сестре Елисавете. 22 сентября, а не ранее, как считал С. Т. Аксаков, Н. В. Гоголь выехал из Москвы. Именно 22 сентября датируется письмо Н. В. Гоголя к матери: «Еще пишу к вам несколько строчек, почтеннейшая матушка. Я чтоб и вас утешить, решил ехать сам, но вы никак не останавливайтесь с днем свадьбы и меня не ждите. Мне нельзя скоро ехать. Нервы мои так расколебались от нерешительности, что езда моя будет нескорая, даже опасаясь, чтобы она не растроила меня еще более⁶». Не менее полутора суток занимала дорога от Москвы до Калуги и Козельска. Следуя ответу о. Макария на письмо Н. В. Гоголя 25 сентября, Гоголь при-

был в Оптину Пустынь 24 сентября во вторник и имел беседу с о. Макарием. 25 сентября Н. В. Гоголь еще находился в Оптиной Пустыни. Обратный путь на Москву лежал через Калугу. В Калуге на почтовой станции он отправил коляску в Полтаву, а сам на почтовых добрался до Москвы.

Памятные места, связанные с пребыванием Н. В. Гоголя на Калужской земле в 1851 г.: г. Козельск, Оптина Пустынь (гостиница, монастырские храмы), г. Калуга (почтовая станция).

Встречи и знакомства: о. Моисей и о. Макарий.

Дом с мезонином в скиту Оптиной Пустыни, который долгое время называли «домиком Гоголя», в летописи скита значится как корпус Ключарева. «3 мая 1860 года, — сообщает летопись — заложено в скиту после молебствия здание нового корпуса Ключарева»⁷. В доме вместе с жилыми кельями размещалась и библиотека скита. Дата постройки дома свидетельствует о том, что Н. В. Гоголь, побывавший в 1850, 1851 годах в Оптиной Пустыни, в доме Ключарева никогда не мог быть. После смерти писателя, в 1853 году 28 мая Оптиной Пустынью было получено 50 рублей из Полтавы от г-жи Марии Гоголь на поминание сына ее Николая Васильевича Гоголя⁸.

1. Аксаков С. Т. «История моего знакомства с Гоголем». М., 1960;

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений в 14 томах. Л., 1952;

Домашняя беседа ж. вып. 20. 1863;

Записки о жизни Н. В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и современников, СПб. 1856;

Калужская старина, т. 5, 6. Калуга, 1910; Рукописи Н. Гоголя, ГБЛ, соцэгиз, 1940;

Калаш В. В. Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников и переписке. 1924; Шенрок В. И. Материалы для биографии Н. В. Гоголя. М., 1898 и др.

2. Пятая Краеведческая конференция Калужской области. Обнинск, 1990, с. 76.

3. Гоголь Н. В. Повести. Воспоминания современников. М., 1898, с. 433—434.

4. ГАКО, ф. 33, оп. 2, ед. хр. 564, л. 1.

5. Гоголь Н. В. ПСС. А, 1952, т. 14, с. 241.

6. Там же, с. 250.

7. РОБЛ, ф. 214, кар. 361, л. 374.

8. ГАКО, ф. 903, оп. 1, ед. хр. 120, л. 14, 20.

ИЗ ИСТОРИИ КРАИНСКОГО КУРОРТА

(По материалам Калужского областного краеведческого музея)

Курорт «Краинка»! Сейчас трудно найти человека, который не знал бы о нем, о целительных свойствах этой здравницы. Идет 147-й год со времени открытия лечебных вод лихвинским уездным врачом П. Стефановским.

В 1931 г. профессор А. Н. Огильви писал, что минеральные источники и грязи этого курорта начали употребляться в лечебных целях еще в середине прошлого столетия. «Однако, — продолжает профессор, — курорт просуществовал недолго и уже в начале 70-х годов был закрыт. Вновь привлекает он к себе внимание лишь в 1921 году, когда по инициативе Калужского Губздравотдела была организована комиссия для осмотра забытых и заброшенных источников. С этого момента Краинский курорт вступает в новую фазу своего развития».

Так, по крайней мере, препроводил Огильви, организатор и научный руководитель одних из самых детальных исследований, свою вступительную статью в фундаментальный сборник работ по минеральным источникам и грязям Краинского курорта (см. Труды Центрального государственного бальнеологического института. Пятигорск. 1931). Более того, всестороннему изучению тогда подверглись обширнейшие окрестные территории в границах Лихвина, дер. Острый Клин, дер. Чернышино, с. Кулешово и дер. Косолапово. Производством общегеологических исследований занимались М. М. Жуков и Н. С. Шатский, хорошо знакомые с этим районом. Гидрологические, разведочные и каптажные работы производил А. С. Храмушев. Изучением биохимического происхождения сероводорода в краинских минеральных водах занимались доцент В. М. Губин с В. М. Цехомской, а А. Н. Бунеев решал вопросы химического анализа.

Безусловно прав оказался А. Н. Огильви, предугадав, что «курорт вступает в новую фазу своего развития». Подтверждением этому стало его превращение в современную союзную здравницу. Но вот что касается «забытости и заброшенности источников», то другой ученый, профессор С. И. Залесский, опровергает это в своем докладе, сделанном в 5-м Бальнеологическом отделе Русского общества охранения народного здоровья... аж 25 января 1900 года (!).

Читатель сам оценит вклад С. И. Залесского в восстановление подлинных, можно сказать, драматических страниц истории.

Итак, в конце прошлого века «в виду расположения большинства русских минеральных вод и грязей на крайне отдаленных окраинах, по преимуществу на Кавказе и в разных местах Западной и Восточной Сибири, особенного внимания должны заслуживать те немногие, целебными силами самой природы одаренные местности, которые имеются ближе к сердцу России», — такое напутствие от правительства получил Залесский весной 1898 года.

Профессор действительно обратил свое внимание в первую очередь на «Краинские (иначе — Лихвинские или Константино-Николаевские) серные минеральные воды, расположенные на левом берегу р. Черепети (правом притоке р. Оки), у села Краинского, Рождественской волости, Лихвинского уезда, Калужской губернии, в имении, перешедшем по женской линии к наследникам известного в свое время Калужского помещика С. П. Яковлева, именно к жене Смоленского вице-губернатора З. Г. Филофовой, урожденной Тобизен».

Сначала ученый познакомился с ранними сообщениями и публикациями, касавшимися открытия и изучения Краинских минеральных вод, и не усомнился, что первенство в этом принадлежит П. Стефановскому, который, начиная с 21 мая 1844 года, установил четыре основных источника с их сильными целебными свойствами: № 1, самый мощный, назвал своим именем — Стефановским; № 2 — Константино-Николаевским; № 3 — Глазным, вылечивающим от разных глазных заболеваний; № 4 — Александровским.

Воды по рецептам Стефановского употреблялись не только внутрь, но и в виде ванн и давали изумительные результаты при лечении золотухи, ревматизма, воспаления глаз, воспаления легких, венерических, кишечных и прочих заболеваний.

Чудодейственность источников послужила толчком для дальнейшего их исследования членами Калужской врачебной управы уже в июне 1845 года. Затем ими заинтересовался профессор Харьковского университета Павел Эйбродт.

Пока уездный врач успешно лечил, а харьковский профессор проводил научные анализы, пропагандировал воды и самого Стефановского, местный помещик С. П. Яковлев на свои средства начал строить первые строения и сооружения с помещениями для ванн и отдыха, то есть создавал условия для процветания зародившейся лечебницы. Существовавший и ранее парк, облагородили и благоустроили тенистыми аллеями. Для ванн построили новое отдельное здание, а число ванн довели до 12. За полный курс лечения стала братья плата в 20 рублей, а за нагретую ванну — 30 копеек. Военное ведомство, прослышав о живописном месте с лечебными водами и грязями, начало присылать и

своих больных. Заботясь о досуге приезжавших на лечение, предприимчивый помещик завел постоянный духовой оркестр, развлекая присутствовавших мазурками и полонезами.

Казалось бы, все складывалось вполне благополучно и ничто не может помешать дальнейшему процветанию. С 1844 по 1847 гг. приняли лечение 400 человек, в среднем по 67 чел. в год, а из этих 400 полностью выздоровело 175. Через 13 лет местного врачевания, не поладив с помещиком, уехал Стефановский, но на его место был назначен не менее опытный врач — А. Д. Печерников. Правда, с 1857 по 1860 гг. лечилось несколько меньше — всего 172 человека (в среднем уже по 43 чел. в год), а облегчение получили 36. Но благоухающая природа, с живописной местностью, отличалась еще и невосприимчивостью в эпидемиологическом отношении. Так, свирепствовавшая тогда во всем Лихвинском уезде холера, в радиусе километра от источников не коснулась никого.

С 1863 по 1871 гг. уездным доктором был уже А. Маслов, человек с репутацией порядочного и дельного врача. В докладе, сделанном им в 1871 году в Обществе Калужских врачей, основанном на 8-летней практике врача-руководителя лечебницы, говорится только о трех источниках. Воды четвертого превратились в способные лишь утолить жажду. Почти не отличались от последнего и три других.

Среди документов, завершавших знакомство С. И. Залесского с Краинскими минеральными водами, был рапорт Калужского врачебного инспектора доктора Кричевского от 17 января 1890 г., где перечислялись бывшие лечебные свойства источников и говорилось, что в настоящее время они засыпаны, а постройки и здания снесены еще в начале 70-х годов. На место самих же источников могут указать только лишь местные жители. Кроме того, по всем документам (Стефановского, Эйбродта, Печерникова, Маслова и др.) сквозило разночтение как в описательной их части, так и в чисто научной. Например, в анализах указывалось на наличие сильного запаха сероводорода, а процентное содержание свидетельствовало об обратном. Фактически с 1844 по 1890 гг. в печатных работах присутствовали взаимный обмен неточностями и ошибками, а их механическая перепечатка приводила к появлению новых.

Можно представить удручающее состояние профессора Залесского, когда он 8 июня 1898 года прибыл в с. Краинское и увидел на месте одного из источников заболоченную лужу с квакающими лягушками, а там, где был первый, самый сильный и мощный (целительный), замачивали пеньку. У запруды, со дна которой когда-то брали лечебную грязь, теперь женщины стирали белье...

Большую помощь ученому при обследовании оказали управ-

ляющий помещичьими именьями В. Л. Нискубин и 5—6 местных старожилов, помнящих источники со времени их зарождения. Сведущие старики, рассказав о прошлом, упомянули и о бывших в конце 50-х годов разногласиях между помещиком С. П. Яковлевым и доктором П. Стефановским, закончившиеся тем, что врач перестал лечить и принялся за отговаривание больных от посещения лечебницы. Учитывая его большой авторитет по тем временам в округе, агитация подействовала и «воды стали мало по малу приходить в упадок».

С помощью окрестных помощников-доброжелателей Залесский, вооружившись шестом-щупом, проверил дно источников и произвел их расчистку. Сам ученый об этом сообщает так: «Какое же было наше удивление, когда после удаления воды канавами и выкачиванием и после устранения (при закреплении краев ямы) поверхностного глинистого слоя, найдена была на дне источника сплошная досчатая и самая плотная преграда, не пропускавшая из более глубоких слоев ни капли воды наружу!.. Сделалось очевидным, в чем дело: настоящий минеральный источник, имеющий за собой такие предания, пропал не вследствие какой-то случайности, а кем-то был нарочно скрыт, забит и замаскирован, по всей вероятности, с дурным умыслом и с целью уничтожить все прежнее значение этой местности. С этим, как нельзя лучше, совпадает и все то, что сообщили из прошлого вод местные старожили и что было приведено. Нельзя также не поставить с этим в связь и полного уничтожения даже следов всех бывших здесь водолечебных сооружений».

На самом же дне очищенного источника были найдены «две когда-то медные, в настоящее время сильно разбухшие и совершенно черные монеты, до того хрупкие, что при более сильном протирании их после промывки они распались на мелкие куски, легко превратившиеся в порошок — очевидное доказательство полного превращения от действия минеральной воды металлической меди (в сернистую медь)».

Из-за отсутствия на месте специалистов по геологии, а также всяких средств и приспособлений профессор Залесский «не рискнул идти к разработке источника далее сделанного, — тем более, что основная цель была вполне достигнута: похороненный источник оказался воскресшим и бальнеологически не только деятельным (активным), но и в высшей степени заслуживающим внимания, что было доказано».

В заключение ученый констатировал, что указанный «случай как бы умышленной утайки источника вследствие преступного, по-видимому, желанья исключить его, во что бы то ни стало, без всяких осязательно-уважительных причин, из бальнео-лечебного обихода, насколько мне известно, есть единственный, твердо уста-

новленный случай подобного рода. Дай Бог, чтобы подобные случаи более не повторялись!».

Такова нелестная страница из истории Краинского курорта.

В завершении остается лишь заметить, что установить место дальнейшего проживания доктора Стефановского (после его уезда в 1857 г. из Лихвина) не удалось. Если же судить по его тогдашним успехам, достигнутым благодаря лечению минеральными водами и грязями, а также приобретенной на этой почве широкой известности, то убыл он далеко за пределы окрестных губерний.

А. Н. Сорокин

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ РАННЕ-НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Генезис верхневолжской культуры (далее — ВВК) в момент ее открытия в 1972 г. связывался с «местным мезолитом». По мере усложнения представлений о «местном мезолите» и выделения в нем отдельных археологических культур происхождение раннего неолита в Волго-Окском бассейне с конца 70-х годов начинают связывать с бутовской культурой (далее — БК). За последние годы представление о БК и Волго-Окском мезолите претерпели существенные изменения, поэтому возникает вопрос, в какой мере идея о связи бутовской и верхневолжской культур отвечает современной исторической базе?

С 1976 по 1986 гг. практически единственной была концепция БК, предложенная Л. В. Кольцовым. В 1986 г. автором была предложена другая характеристика БК. Необходимость переосмысления имевшихся представлений о БК определялась рядом причин, главными из них были:

- резкое увеличение источниковедческой базы;
- изменение общих представлений о мезолите региона;
- появление серии независимых естественно-научных датировок.

При сопоставлении коллекций БК друг с другом выяснилось, что в них нет ни одного общего типа орудий, который бы присутствовал на всех отнесенных к БК памятниках. Сопоставление комплексов друг с другом, взаимная их перепроверка и доказательство «чистоты», отсеивание смешанных, сортированных и очень мелких коллекций позволили не только ограничить число надежных в источниковедческом отношении памятников, но и уло-

вить то общее, что помимо пластинчатости объединяет бутовскую индустрию. Было признано, что для культурологических целей могут быть использованы не более 19 из 94, отнесенных к БК, коллекций.

На основе типолого-статистического анализа этих 19 эталонных стоянок выделено 3 группы памятников. Две из них близки по своему составу. Отличия между ними носят преимущественно хронологический характер. В типологическом отношении памятники позднего этапа отличаются наличием трапещей. Прочие различия в основном выражаются в усилении отщеповости индустрии, в изменении процентного содержания групп изделий и типов, в большем использовании краевой двусторонней ретуши и шлифовки, увеличении числа нуклевидных резцов, возрастании доли неконцевых скребков, постепенном исчезновении микролитов с затупленным крутой ретушью краем и т. д. Стало ясно, что термин «позднебутовская культура», широко встречающийся в публикациях, лишен всякого реального содержания. Он возник как реакция на появление крупных, представительных мешчерских коллекций при их сопоставлении с имевшимися ранее очень бедными материалами, относимыми к раннему мезолиту. Т. о. появление этого термина объясняется абсолютизацией статистически недостоверных коллекций и некритическим отношением к источникам.

Третья группа стоянок, имеющая внутреннее единство и не дающая сильных связей с памятниками первой и второй групп, объединяет памятники типа Красново-1. Особенности технологических показателей и специфика охотничьего вооружения позволяют говорить, что памятники типа Красново-1 образуют самостоятельную археологическую культуру, не связанную генетически с БК.

В результате проведенного анализа выяснилось, что ни один из классических памятников позднего этапа БК не датируется независимыми датами атлантикумом. Судя по 20 радиоуглеродным датам БК существовала не более 1 000 лет, приблизительно в диапазоне от 8 500 до 9 500 лет назад, т. е. в превореальное и бореальное время. Т. о. вопрос об участии БК в сложении раннего неолита представляется открытым.

Все имеющиеся атлантические даты относятся к 3-й группе стоянок или памятникам типа Красново-1. Именно они заполняют хронологический разрыв между раннемезолитической БК и ранненеолитической ВВК.

Помимо памятников типа Красново-1 в позднем мезолите существовали иеневская культура, памятники типа Пургасово-3, Красной-8, «Пенешки», Барашево и др. В отличие от типологической датировки иеневской культуры все имеющиеся палинологические определения не выходят за пределы бореального времени, что, по-видимому, исключает ее из возможных претендентов на роль предшественников ВВК. Хронологическое положение остальных типов памятников пока не ясно, но нельзя исключать, что, например, в Мещере БК сменяется памятниками типа Пургасово-3, которые, таким образом, также заполняют имеющуюся лауну. Культурное многообразие, наблюдаемое в позднем мезолите, расширяет потенциальную базу раннего неолита Волго-Окского бассейна, но из-за неразработанности абсолютной хронологии оставляет пока открытым вопрос о его непосредственных предшественниках.

Теперь перейдем к верхневолжской культуре. К настоящему времени опубликовано не менее 20 памятников. Среди них классические стоянки с крупными керамическими коллекциями: Сахтыш-2 и 8; Ивановское-3 и 7; Языково-1; Николо-Перевоз-1 и 3; Малая Ламна-1 и т. д. При внимательном рассмотрении, однако, выясняется, что опубликованы, по преимуществу, сортированные коллекции, т. е. такие, в которых целенаправленно отобран и описан лишь пластинчатый инвентарь. Историографический анализ показывает, что в публикациях по ВВК сложился стереотип, когда из-за смешанности разнокультурных материалов одного памятника и невозможности в силу этого объективного типологического разделения всего каменного инвентаря, орудия на отщепах, как наиболее сложные для типологического разделения, из анализа исключаются. В качестве раннеолитических описываются лишь изделия из пластин. Данный прием методологически неверен не только потому, что анализируется лишь ничтожная доля коллекций, а потому, что оставшаяся часть признается заведомо «чистой», единой. С этим никак нельзя согласиться. Если материал памятника смешан, то смешана не только керамика, но смешаны и каменные орудия. Сказанное в равной мере относится и к изделиям на отщепах, и к орудиям на пластинах. Т. о. нельзя без критики источника априорно относить весь пластинчатый инвентарь к раннему неолиту. Если же нет или не выделены «чистые» комплексы, нельзя говорить и об объективности выводов. Насколько известно, такая работа для каменных изделий ВВК проведена не была. Пример бутовской культуры показывает, что использование сортированных, смешанных и мелких коллекций не приводит к достоверным результатам.

Среди всех опубликованных материалов сортировке не подверглись только три (!) стоянки: Давыдовская, Шадрино-4 и

Плещеево-1. Наиболее крупную коллекцию дало Давыдково (3,5 тыс. изделий, около 400 орудий). В Шадрино-4 имеется 740 каменных предметов и 50 морфологически четких орудий, а Плещеево-1 — на 150 кремней всего 29 морфологически выраженных орудия. Доказательств «чистоты» и единства этих стоянок ни одним из исследователей не приведено. Напротив, имеются данные об их возможной смешанности.

При взаимном сопоставлении кремневых комплексов трех не сортированных стоянок друг с другом видно их резкое различие по всем показателям. Они резко различаются друг от друга по своему типологическому набору и не находят аналогии в какой-либо одной позднемезолитической культуре. Отмеченный факт не свидетельствует в пользу единой предковой культуры, послужившей основой для раннего неолита Волго-Окского междуречья.

С известной долей вероятности можно решить вопрос сходства материалов того или иного из трех раннеолитических памятников с мезолитическими. Но можно ли решить проблему происхождения целой культуры без определения типобразующего ядра этой культуры, без объективного выделения характерных для ее раннего этапа типов, и пользуясь материалами трех памятников, «чистота» которых далеко не бесспорна и два из которых дали менее полусотни орудий каждый?

Все вышеизложенное позволяет прийти к следующим выводам:

Поздний мезолит Волго-Окского бассейна не является единым, здесь известны разные культуры. Синхронизация и хронология их пока не ясны, поэтому не ясен вопрос о непосредственных предшественниках раннего неолита.

Между бутовской и верхневолжской культурами, судя по независимым датам, существует хронологический разрыв, который, вероятно, может быть заполнен памятниками типа Красново-1 и/или Пургасово-3. Вопрос о сложении раннего неолита на базе бутовской культуры, следовательно, представляется открытым.

Большинство опубликованных стоянок ВВК не обладают надежными и выразительными коллекциями каменных изделий и представляют собой типологически вычлненные материалы смешанных памятников.

Сопоставление кремневых комплексов не сортированных стоянок ВВК друг с другом свидетельствует об их взаимном несхождении. Аналогии им имеются в разных мезолитических культурах.

Современное состояние источниковедческой базы ВВК не позволяет однозначно решить проблему ее генезиса.

ПОДВИЖНИКИ

(Интеллигенция Угодско-Заводской волости
в конце XIX — начале XX вв.)

Угодско-Заводская волость, в качестве административной единицы, располагалась на небольшой территории в среднем течении реки Протвы от железнодорожного разъезда № 15 (ныне ст. Обнинское) до д. Черная Грязь. За относительно короткое время с 1888 по 1911 гг. здесь возникли первые школы, библиотеки, кооперативы и больница. Выдающуюся роль в этом сыграла местная интеллигенция.

Первую школу в волости крестьяне построили сами в 1861 году, в память своего освобождения от крепостного права. Однако эта школа не могла вместить всех желающих учиться, а на строительство новых школ денег не было. Создавшееся положение исправил благотворительная помощь.

В 1888 г., на средства князя Н. С. Голицына, в д. Величково была построена и им же содержалась церковно-приходская школа, переданная в безвозмездное пользование крестьянам. Примеру князя последовал московский купец Т. И. Назаров, построивший 3 школы, которые он также передал крестьянам. Таким образом, к 1913 г. из 7 школ волости не менее 4 были построены на средства частных лиц. Создав материальную основу, благотворительность уступила место подвижничеству. Первым и бессменным в течение почти 40 лет учителем Величковской школы был Сергей Николаевич Ремизов. Он применял в обучении детей передовые педагогические методы, постоянно работал над своим самообразованием, увлекался музыкой и был настоящим другом детей. Среди его учеников — Г. К. Жуков, известный советский полководец. В своей книге «Воспоминания и размышления» он высоко оценил роль С. Н. Ремизова, привившего любовь к книге.

Среди учителей школ Назарова своим педагогическим талантом выделялась учительница Михайловской школы Прасковья Николаевна Любимова. Благодаря ее стараниям, открылись воскресные школы для женщин. За свою многолетнюю педагогическую деятельность П. Н. Любимова удостоилась золотой и серебряной медали.

Благодаря самоотверженной деятельности учителей, которая проходила в трудных условиях (полицейский надзор, жалованье, не превышавшее 420 р. в год, и т. д.), уровень грамотности в волости заметно повысился. Учителя и студенты, приезжавшие на каникулы стали инициаторами культурных начинаний.

В 1896—1901 гг. в с. Угодский Завод и его окрестностях с большим успехом прошли первые школьные елки, литературно-музыкальные вечера и выступления хора. Организаторы (П. Н. Любимова, Н. В. Всесвятский и др.) сумели вовлечь в эти мероприятия крестьянскую молодежь.

30 декабря 1901 г. в с. Угодский Завод открылась единственная на всю сельскую местность Малоярославецкого уезда бесплатная библиотека-читальня. Она существовала первое время лишь за счет сборов от спектаклей и концертов, а также частных пожертвований. Инициаторы ее создания, братья Всесвятские и Ремизовы, организовали общественный актив из числа учителей и грамотной крестьянской молодежи, которые всячески поддерживали библиотеку. Угодско-заводская библиотека имела отделения по всем школам волости с общим фондом свыше 12 тысяч наименований. Книги для внеклассного чтения и учебники в школах волости выдавались бесплатно.

За короткий срок культурная жизнь нашего края заметно оживилась. Однако оставался неразрешенным вопрос медицинского обслуживания населения. Единственный на всю волость фельдшерский пункт не мог обслужить всех больных. Положение изменилось в 1905 г., когда на постоянное место жительства в свое родное село вернулся молодой врач Н. В. Всесвятский. На деньги, полученные по наследству, он строит больницу и 8 февраля 1907 г., при огромном стечении народа, передает ее здание в бесплатное пользование земству. Больница состояла из нескольких отделений, и в 1913 г. на Всероссийской гигиенической выставке была признана образцовой, а ее создатель Н. В. Всесвятский отмечен почетным дипломом. Несмотря на выгодные предложения в московские клиники, молодой врач остался работать в родном селе и отдал лечению больных и общественной работе все свои силы. В 1918—1919 гг. в тяжелейших условиях он боролся с эпидемией тифа. Среди сотен спасенных им от смерти — Г. К. Жуков.

При активном участии подвижников, опиравшихся на сознательных крестьян в 1910—1911 гг. в с. Угодский Завод и его окрестностях были созданы кооперативы. Потребительские общества и кредитные товарищества, объединив вокруг себя крестьянство, позволили задержать процесс обнищания населения и показали основы новой хозяйственной жизни, построенной на началах самоуправления, взаимопомощи и гласности. Кооперативы оказывали материальную помощь нуждающимся и частично содержали библиотеку-читальню. Успешная деятельность Угодско-заводских кооперативов привела к организации аналогичных обществ в соседних волостях.

Почти все наши подвижники были выходцами из семей бедных священников. Многие из них имели лишь семинарское, а не высшее образование. Однако это были в высшей степени интеллигентные люди. Благодаря их самоотверженным усилиям в начале XX в. село Угодский Завод стало центром культурно-просветительской и хозяйственной жизни края. Душой всех этих начинаний были лучшие представители местной интеллигенции: братья Всесвятские и Ремизовы, П. Н. Любимова и другие.

А. Р. Гребенкин

НАРКОМ ИЗ КАЛУГИ

26 октября 1917 года на II Всероссийском съезде Советов было сформировано новое правительство — Совет Народных Комиссаров. Одним из 14 наркомов стал калужанин — Николай Павлович Глебов-Авилов. Он был одним из самых молодых членов правительства.

Н. П. Глебов-Авилов родился в начале октября 1887 года, о чем свидетельствует запись в метрической книге Спасозаверхской церкви. Его родители, Павел Иванович и Анна Алексеевна Авиловы, были людьми бедными. Поэтому уже в 12 лет Н. Авилов был вынужден начать работать. Ему удалось устроиться в типографию Юрьевой. Из 6 калужских типографий эта была самая маленькая (число рабочих не превышало 10 человек).

Работая там, Н. Авилов прошел свои первые «революционные университеты». В 1904 году в Калуге был создан нелегальный профсоюз печатников. Авилов сразу же становится его членом. Примерно тогда же он начал посещать и заседания социал-демократических кружков, рабочие собрания.

Его первым большим настоящим делом стала организация стачки печатников в декабре 1905 года. Как организатор забастовки он был уволен и, попав в черный список, уже не мог устроиться работать в Калуге. Поэтому в январе 1906 года Авилов перебирается в Москву. Поступив в типографию Мамонтова, он все более втягивается в партийную работу (в качестве техника Московского окружкома РСДРП). Одновременно с этим Глебов работает в нелегальном профсоюзе железнодорожников.

В 1907 году он был послан на Урал (Екатеринбург, Пермь) для организации подпольных типографий, налаживания профсоюзной работы, подготовки V съезда РСДРП. После ареста Авилов бежал из-под надзора в Москву. Но в ноябре он был снова арестован под фамилией Н. В. Сидоров и выслан под надзор полиции в Калугу.

Положение в городе в это время было очень тяжелым. После арестов весны 1907 года ощущалась острая нехватка средств, людей. Вернувшись на родину и установив связь с местным комитетом, Авилов всю свою энергию направляет на возрождение работы подпольной типографии большевиков. И это ему блестяще удается. За короткий срок были подготовлены 2 номера газеты «Калужский рабочий». Но 24 июля 1908 года при печатании третьего номера газеты типография «провалилась». Авилов был снова арестован. По делу Калужской типографии РСДРП он получил 10 месяцев крепости, которые и провел в Калужской тюрьме. После освобождения, в 1910 году, Глебов снова едет в Москву. Там он получает направление в партийную школу на о. Капри. Первая попытка пересечь границу была неудачной. Авилов был арестован и отправлен по этапу на родину. Но, освободившись в Калуге, он тут же бежал и в конце 1910 года оказался в Италии.

В 1912 году Авилов возвращается в Россию. Практически сразу же он был арестован и сослан в Ялутуровск (Гобольская губ.). В 1913 году Глебов бежал из ссылки на Украину (Николаев). Но там он снова арестован и сослан в Тару. Освободившись по амнистии, Авилов едет в Петербург. Там он становится членом правления профсоюзов печатников, металлистов, редактором газеты «Металлист». Одновременно с этим Глебов является сотрудником газеты «Правда», которую тогда возглавляли Черномазов и Каменев. В 1914 году по заданию Русского бюро ЦК РСДРП он ездил к Ленину на совещание в Поронино. После него Глебов направлен на Украину и на Кавказ. В ноябре 1914 года он был в очередной раз арестован и сослан в Нарымский край, где отбывал срок вместе с Рыковым и Серебряковым. Авилов дважды пытался бежать. Во второй раз его в пути настигла Февральская революция. Прибыв в Томск, Глебов стал одним из организаторов первого местного ревкома, а затем он отправляется в столицу.

Там Авилов с головой уходит в партийную и профсоюзную работу. В марте по его инициативе был создан исполком Центрального Бюро профсоюзов. На Апрельской конференции РСДРП(б) Глебов был избран кандидатом в члены ЦК. В июне 1917 года его избирают в исполком ВЦСПС. На VII съезде партии Авилов делал доклад «О профсоюзном движении». В это же время (лето — осень 1917 года) он является сотрудником многих газет, к тому же сам возглавляет «Красную газету» и журнал «Просвещение».

В октябре Глебов-Авилов принимал непосредственное участие в вооруженном восстании. В СНК он получил довольно сложный пост — наркома почт и телеграфов. В министерстве шла забастовка. Действуя путем переговоров и обращений, к концу ноября

ему удалось стабилизировать положение, 26 ноября забастовка была полностью прекращена. На посту наркома Глебов-Авилов оставался до вхождения левых эсеров в СНК, после чего он был переведен замом к Пятакову в Госбанк. Но за короткий срок наркомства Глебов сумел многое сделать для своих служащих: это и доплата за сверхурочные, и кредит в 1 млн. руб. на кооперативы, и многое другое. Как член правительства Глебов-Авилов принимал участие в создании новых советских законов. Им подписаны многие декреты СНК.

В годы гражданской войны он бывал в самых горячих точках. Зимой 1918 года Глебов на фронте под Псковом, летом — один из руководителей затопления Новороссийской эскадры Черноморского флота, осенью — работник ВЦСПС; в 1919—1920 гг. — на Украине (председатель Черниговского ревкома, нарком труда УССР). В 1921 г. он руководил Брянским губкомом.

С 1922 по 1926 годы Глебов-Авилов на профсоюзной работе в Ленинграде, возглавляет Северо-Западное бюро профсоюзов, редактирует профсоюзный листок в «Правде» и газету «Труд». В середине 20-х он становится одним из лидеров Ленинградской оппозиции. За это 26 января 1926 года Глебов-Авилов был снят со всех постов и отправлен торгпредом в Италию. Там он пробыл до 1929 года.

Последние годы своей жизни Глебов-Авилов провел в Ростове-на-Дону в качестве начальника строительства, а затем директора Ростсельмаша. Отойдя от политики, он сосредоточился на хозяйственных проблемах. Главное для него — повышение производительности труда. Благодаря его стараниям завод был оснащен самой современной техникой. К тому же много внимания Глебов-Авилов уделял развитию социалистического соревнования, всячески поощрял рабочую инициативу, заботился о быте и отдыхе своих подчиненных.

Жизнь Н. П. Глебова-Авилова трагически оборвалась в 1937 году. 12 марта ему был вынесен смертный приговор по обвинению в «Создании контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, подготовлявшей теракты против руководителей ВКП(б) и Советского правительства». Глебов-Авилов был посмертно реабилитирован только в 1956 году, да и то дата смерти была 1942 (!?).

В Калуге сохранились места, связанные с жизнью Н. П. Глебова-Авилова. Это, в первую очередь, дом его родителей, построенный еще в XIX веке. Он стоит на окраине города, а от него открывается великолепный вид на Оку, Яченку и бор. Вот только жаль, что с тех пор вид этот здорово пострадал от наших «строек века». Семья Авиловых жила в этом доме до начала 20-х годов. Сейчас его адрес: ул. Октябрьская, 82.

**РОЛЬ КАЛУЖСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ
В РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВЕННОГО КРАЕВЕДЕНИЯ
И МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В КАЛУЖСКОМ КРАЕ
(1891—1918)**

Либеральное народничество, идеология и движение разночинной интеллигенции, господствующее на буржуазно-демократическом этапе освободительной борьбы в России в 80—90-х годах, становится определяющим направлением. Это движение, преломляясь в условиях различных регионов страны, оказывало влияние на развитие просвещения, науки и культуры. В эти же годы активизируется и общественное краеведение либерально-буржуазного направления, отличавшееся от консервативно-дворянского направления более демократическими целями и задачами: изучение истории местного края, внимание к истории народных масс, народной культуре, этнографии.

Практические потребности общественного краеведения приводили к организации архивов, библиотек, музеев, к выпуску изданий историко-краеведческой литературы.

Одним из первых опытов в Калужском крае в этой области являются издание первого краеведческого журнала «Урания» и путеводителя по Калуге И. Золотницкого, составленного в 1888 г.

В то же время в Калужской губернии остается сильным влияние консервативно-дворянского направления в краеведении, проповедующего охранительные взгляды. Отмечается усиленное внимание к местной истории служителей церкви. Обширный круг сведений по местной истории был систематизирован архимандритом Леонидом (Л. А. Кавелиным) в изданиях «История церкви в пределах нынешней Калужской губернии и Калужской епархии». (Калуга, 1876), «Летопись Калужская от отдаленных времен до 1841 года» (составил В. В. Ханыков, сообщил архимандрит Леонид, 1878).

В условиях оживления демократического движения в России, стремясь подчинить это движение своему влиянию, царское правительство на местах создает ученые архивные комиссии, для субсидирования которых Министерство Внутренних дел выделяет средства. На основании «Положения об архивных комиссиях» от 13 апреля 1884 г. 28 января 1891 г. была учреждена Калужская ученая архивная комиссия (КУАК). Несмотря на официальный характер, впервые в крае коллективная краеведческая деятельность оформляется в общество с определенными направлениями

в деятельности: археография и археология, со своими целями и задачами: «изучение истории Калужского края, так как он мало исследован в историко-археологическом отношении» (ИКУАК, № 4, Калуга, 1895). Создание и составление Губернского исторического архива, разработка архивных материалов по уездам Калужской губернии членами КУАК считалось главной обязанностью в своей деятельности. Работа комиссии не ограничивалась только сбором архивного материала и составлением описей к нему: членами КУАК Н. И. Булычевым, И. Д. Четыркиным, С. А. Комаровым, Ю. Г. Гендуне активно велись археологические раскопки, в результате которых была составлена археологическая карта Калужской губернии.

Изучение местной истории у калужских краеведов выливалось в практическое применение собраний личных фондов, документальных материалов, редких книг, произведений декоративно-прикладного искусства, народных промыслов для организации местной общественностью и земскими учреждениями архива, библиотеки, музея, выпуска краеведческих периодических изданий. Благодаря усилиям местной интеллигенции, служащих земских учреждений, придерживающихся либеральных взглядов, почитателей — почетных членов КУАК, председателя Московского археологического общества графини П. С. Уваровой, жн. Н. Д. Голицына, тесным научным связям с крупными учеными России, с научными отечественными центрами, столичными и провинциальными университетами, труды КУАК печатаются в столичных изданиях, губернских ведомостях, издаются «Известия КУАК» — периодическое издание комиссии. Только с 1891—1914 гг. действительными членами КУАК было издано 56 работ монографического плана, 46 сборников, 314 статей и заметок историко-краеведческого содержания, 22 выпуска «Известий КУАК».

Стараниями Г. Г. Чистоклетова, В. И. Асонова, И. Д. Четыркина, Я. П. Тихоновича, хранителя музея и библиотекаря комиссии А. И. Мартиновича-Лашевского уже в 1892 г. были устроены и снабжены мебелью и стеллажами архив и музей, которые по решению Калужского губернского земского собрания разместились в «палатах купцов Коробовых», памятнике гражданского зодчества XVII в., уникальном образце русской гражданской «палатной» архитектуры. В конце XIX в. здание перешло из владения Е. В. Сухозанет в собственность города Калуги, где по решению земского собрания и была размещена Ученая архивная комиссия, которая создала в этом доме своеобразный научный и общественный центр в городе, первый подобного рода в крае.

Предметы музея составляли предметы археологических раскопок и коллекций П. Ф. Симсона, Н. И. Булычева и И. Д. Четыркина и использовались исключительно как музейные экспонаты,

а не предметы «складского имущества»: они учитывались, хранились, изучались. Музей к 1910 г. насчитывал свыше одной тысячи экспонатов.

Музей при КУАК был в прямой зависимости от фондообразователей, той общественной организации, которая формировала музейные коллекции от частных собраний, пожертвований и дарений. Комплектование его собраний было большей частью бессистемное, часто случайное, за счет «даров». Определенная направленность в деятельности КУАК определила и профиль музея — исторический — и основную функцию исторического музея, занимающего ведущее положение в музейной сети царской России, как научного музея, предназначенного только для специалистов и учащихся. Функция музея как «воспитательного учреждения», «публичного», общедоступного музея, не получила своего развития. Только к 1914 г. несколько возросшая для публики доступность коснулась весьма ограниченной части городского населения.

После своего официального открытия (20 апреля 1897 г.) Исторический музей продолжал находиться в чрезвычайно трудном положении, как и большинство российских местных музеев. Содержался музей при КУАК за счет частных пожертвований, немногочисленных ежегодно выделяемых Калужским губернским земством средств (с 1893 г. 200 руб.). В 1910 г. КУАК ходатайствовал перед Министерством Внутренних дел о постоянной правительственной субсидии на содержание архива, библиотеки, музея.

Основными критериями создания музея в конце XIX в. были: наличие музейной экспозиции, относительно свободный, без специальных разрешений доступ за плату или бесплатно, и система попечения и меценатство, как средство существования музея. В России лидировал распространенный государственный тип музея — «храм искусств», элитарный по своему подходу к культуре, где ведущим в этой концепции был античный идеал, классические традиции. Создание в Калужском крае общественной организацией и земскими учреждениями первого музея отражали научные и культурные потребности и особенности культурно-политической ситуации в крае.

Хранители музея ставили своей целью собрать полную коллекцию археологического материала по истории края: «орудий труда и вооружения первобытного человека, доисторических, историко-бытовых древностей, церковных и религиозных ценностей, старопечатных книг, старых картин, гравюр и рукописей, монет и медалей» (ИКУАК, № 4 1895). Характерным приемом для экспозиции музея был взят типологический ряд, дающий представление о виде, форме, эволюции предмета (систематизация

шла по группам культурных явлений: орудия труда, вооружение, одежда). По общепринятому методу построения это была систематическая экспозиция.

В первые десятилетия XX в. роль калужских общественных организаций в развитии краеведения была достаточно велика. Было создано несколько новых обществ: Калужское церковное историко-археологическое общество КЦИАО (1901—1914), собравшее большую библиотеку и коллекцию церковной старины, имевшее печатный орган «Калужская старина»; Калужское общество изучения природы и местного края (КОИПМК, 1910—1922), чье значение и роль в создании публичного городского музея «На благо просвещение» имени купца А. А. Рыжичкина, на средства которого он был построен, согласно воле завещательницы П. И. Рыжичкиной и решения Городской Думы об организации и оказании содействия новому музею.

На заседаниях обществ, в печати члены Советов музеев, попечители поднимали вопрос о состоянии местных музеев: Исторического губернского и естественно-исторического городского музея «На благо просвещение», об их функциях, источниках содержания и финансирования, проблемах разобщенности их деятельности. Эти жизненно важные проблемы обсуждались Российской музейной общественностью в 1912 г. на предварительном съезде.

На рубеже веков XIX и XX в силу своей специфичной роли социального института: хранителя, интерпретатора и пропагандиста историко-культурных традиций края калужские музеи определялись в своеобразные центры науки, просвещения и культуры.

В изучении края общественными организациями предпочтение отдавалось вопросам археологии, истории края, археографии (КУАК), вопросам изучения и охраны церковных архивов, защиты памятников культового зодчества (КЦИАО), вопросам этнографии, естественной истории края, трудам К. Э. Циолковского (КОИПМК). По решению краеведческих обществ в 1911 г. в Калуге было учреждено Московское отделение археологического института (1911—1922), в результате деятельности которого в крае сложилась достаточно сильная школа историков-краеведов, специалистов по истории России.

Развитие краеведения в этот период определяло и будущую роль музеев как научных лабораторий. По отношению к краеведческим обществам музеи выступали как смежные организации, об определенных формах взаимодействия музея и краеведческих обществ в широком понимании говорить было рано, поскольку место музея в системе научных и образовательных учреждений еще не было определено, а основные направления деятельности музея как социального института только еще формировались.

Таким образом, для деятельности Калужской ученой архивной комиссии в период с 1891—1918 гг. в целом было характерно:

— развитие отдельных направлений исторического краеведения, археологии и археографии для решения задач изучения истории края;

— поиск новых организационных форм общественного краеведения: создание музея исторического профиля и архива, что подготовило базу для организации государственных учреждений — ГАКО и краеведческого музея;

— выявление основных направлений в деятельности музея, его профиля и функций;

— выявление форм взаимодействия краеведческого общества и музея;

— координация деятельности общества с другими краеведческими организациями (КЦИАО, КОИПМК), научными центрами России, известными учеными;

— организация в результате координации деятельности общественных краеведческих организаций научного центра МАИ как школы по подготовке историков-краеведов, специалистов историков.

— выделение научно-пропагандистской деятельности как основного направления в деятельности комиссии.

Т. А. Свиридова

ЗЕМСКИЕ ПРОЕКТЫ КАЛУЖСКОГО ДВОРЯНСТВА

(1856—1863 гг.)

По «Положению 1 января 1864 года о земских учреждениях» Калужская губерния вошла в состав 19 губерний, где земства открылись в 1865 г. Однако начала преобразований в хозяйственном управлении губерний уездом утверждались в правительственных сферах одновременно с крестьянской реформой. Участие в этом провинциального дворянства ограничивалось обсуждением исходящих от министра внутренних дел «пяти вопросов», ответы на которые получили название земского проекта. Для дворянства, взбудораженного недавней борьбой в комитетах по крестьянскому делу, с последующими реформами (земской, судебной) открывалась возможность общественной активности, выясняющей потенцию русского помещика к систематической, нечиновной деятельности. Готовность к переменам дворян Калужской губернии — одного из старых густонаселенных крепостнических рай-

онов нечерноземной полосы — скептически оценивалась даже губернатором В. А. Арцимовичем. В последнем перед отменой крепостного права губернаторском отчете, в частности, замечалось: «Нельзя не видеть, до какой степени дворянство вверенной мне губернии... проникнуто сословными интересами и предрассудками и как оно пристрастно в делах, до него касающихся, обнаруживая явное стремление угодить своим».

В преддверии земских нововведений большинство представителей губернского дворянства не имело каких-либо «государственных» воззрений: вяло затрагивая некоторые «общие вопросы» (преобразование судопроизводства, уничтожение существующей системы винных откупов, устройство опекунских учреждений), оно выражало их «в простом заявлении желания, без приложения проектов или указаний». Тем не менее к моменту введения земств в дворянской среде наблюдалась известная разность мнений, возникшая еще в пору подготовки крестьянской реформы, а позже обнаружившая себя в группировках земских гласных.

«19 февраля породило какие-то странные ненависти между известными представителями либеральных принципов и защитниками дворянских привилегий», — характеризовали создавшуюся здесь обстановку очевидцы. На самом деле оформление двух группировок произошло раньше — в губернском комитете по устройству быта помещичьих крестьян — и имело в Калуге свои особенности. Незаурядность фигуры начальника губернии с 1858 по 1862 гг. — В. А. Арцимовича — единодушно признавалась дворянской либеральной публицистикой. Нельзя не признать его выдающейся роли как в намерении осуществить крестьянскую реформу в рамках законности, так и в привлечении к этому передовой части дворянства губернии. Живое участие в готовящихся преобразованиях приняли поселившиеся в Калуге после амнистии декабристы — П. Н. Свистунов (вошедший в Комитет) и Е. П. Оболенский. Но и не служивший Г. С. Батеньков был авторитетом для радикально настроенной молодежи, которую возглавил вернувшийся из кавказской ссылки Н. С. Кашкин (петрашевец). Из этой среды вышел известный русский юрист П. Н. Обнинский, привлеченный Арцимовичем в мировые посредники. Соученик калужского губернатора по Училищу правоведения кн. А. В. Оболенский стал членом от правительства в Комитете, образовав в нем группу из 5 членов — авторов проекта «меньшинства» (А. В. Оболенский, Н. С. Кашкин, А. П. Племянников, А. А. Муромцев, П. Н. Свистунов). Принадлежность, наконец, к этому кругу в 1858—59 гг. Н. А. Серно-Соловьевича, делопроизводителя губернского комитета и негласного соавтора проектов меньшинства, придавала их обсуждениям деятельный характер.

Условия нечерноземной, бедной губернии несомненно влияли на поиски калужскими либералами более целесообразных (по сравнению с бюрократически-чиновничьими) форм организации хозяйственного управления. Так, в материалах комитета содержится приложение к проекту «меньшинства пяти членов», озаглавленное «Предположения о губернском и уездных присутствиях, заведывающих хозяйством губернии». Начальный пункт его гласит: «Для заведывания в губернии земскими повинностями и вообще хозяйственными делами губернии учреждаются: 1) общее присутствие губернского комитета о земских повинностях (прообраз земского собрания — Т. С.); 2) постоянное присутствие губернского комитета о земских повинностях (прообраз земской управы — Т. С.); 3) уездные хозяйственные комитеты». Проект предлагал принцип выборности в Общее присутствие депутатов от всех сословий — дворян-землевладельцев, купцов, мещан и крестьян (по одному от каждого сроком на 3 года), но предусматривал ведущую роль дворянства, называя председателем Общего присутствия губернского предводителя дворян. Характерно, что проект находил необходимым привлечение «лиц специальных», техников инженерного ведомства и архитекторов, без права голоса. Одним из пунктов утверждалась независимость от администрации: губернатор, делает Общему и Постоянному присутствиям предложения, но постановления присутствий губернатором не утверждаются, как постановления «мест самостоятельных». В состав уездных хозяйственных комитетов под председательством уездного предводителя дворянства должны входить 2 депутата от дворян-землевладельцев, городской голова, 1 депутат от мещан и 2 от крестьян.

Таким образом, «Хозяйственный» проект калужских либералов, еще до появления министерских «пяти вопросов» содержал представления передового дворянства о земском управлении. Беспрецедентное удаление из-за жалоб крепостнической партии губернатора Арцимовича из Калуги, ослабление в целом либерального лагеря в первые годы крестьянской реформы сделали выступления калужских либералов лишь ярким эпизодом, не получившим развития в 1861—1862 гг. Новые возможности для участия в обсуждении земских преобразований появились в 1863 г., в подготовке земского проекта калужских дворян, ответивших на «пять пунктов» П. А. Валуева. В двух вариантах текстов калужского земского проекта (текст из фонда Кашкиных в ОР ГБЛ и изложение проекта канцелярией министра внутренних дел в ЦГИА СССР), отвечая на вопрос о занятии делами местного хозяйственного управления, калужское дворянство заявило о необходимости распространения выборного начала «от земства», от всех сословий, о праве участия в делах местного хозяйственного

управления, основанном на цензе без различия сословий (определяемом количеством платимых повинностей с имущества или промысла). При этом заявлялось, что порядок избрания категорий личных землевладельцев и землевладельцев-общинников должен быть основан на равном числе представителей на уездных собраниях. Для занятий же в губернском земском собрании выборные от местных землевладельцев, общинников и горожан должны избирать определенное число представителей без различия категорий, при этом ценз обязателен только для избирателей, но не для избранных, «дабы местность не была несколько стеснена в выборе лиц, заслуживших по ее мнению доверия».

Налицо буржуазный характер представительства и можно предположить, что в этой части проекта сказались взгляды «просвещенного меньшинства».

В постановлении по второму пункту — о пересмотре земских повинностей — калужское дворянство заявило о необходимости рассмотрения смет всех земских расходов местными представителями и о том, чтобы право ходатайства местных земско-хозяйственных учреждений о делах, «до него касающихся», было допущено «во всей возможной полноте». Это ставило под сомнение компетентность местных и высших чиновников. По вопросу о земских банках (поземельном кредите) калужское дворянство высказалось за предоставление полной свободы частным предположениям и об отмене всякой монопольной привилегии. В вопросе о правилах по найму работников калужские дворяне настаивали на том, что «строгое исполнение договоров о найме, добровольно заключенных, должно быть неуклонно соблюдено, с целью развития законности в народе».

В общей оценке проекта немаловажно то обстоятельство, что уже в земские времена, когда местные реакционеры пытались выступить с пересмотром утвержденного земского законодательства в пользу крупных землевладельцев-дворян, гласные либерального направления апеллировали к пунктам проекта о равном представительстве от личных землевладельцев и общинников, о цензе без различия сословий, считая земской проект своим достижением.

Л. Н. Красницкий

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГОРОДИЩА ТОРКУНОВКА

Оборонительные сооружения верхнеокских городищ раннего железного века исследовались в 1950—60-е годы Т. Н. Никольской. На основании раскопок городищ Надежда, Воротынцево (Орловская область), Свинухово, Николо-Ленивец (Калужская

область) и Дуна (Тульская область) сделан вывод о системе возведения валов ранних городищ из слоев плотной, частично обожженной глины без применения деревянных конструкций.

Валы возводились на материке и в дальнейшем досыпались (Свинухово, Надежда).

В 1987—89 гг. Орловский археологический отряд проводил раскопки оборонительных сооружений городища Торкуновка (Мценский район Орловской области). Городище занимает мыс правого берега р. Оки и глубокого оврага с протекающим по дну ручьем. Высота над уровнем реки — 20—25 м. С напольной стороны поселение защищено двумя валами, находящимися на расстоянии 25—30 м друг от друга. По материалам раскопок городище датируется сер. I тыс. до н. э. — сер. I тыс. н. э. Следи более поздних эпох отсутствуют.

В 1987 г. был проведен разрез внешнего вала II траншей 2×16 м. Вал возведен на материке из слоев неравномерно обожженной глины с включением линз золы с углями общей мощностью до 0,7 м. Обожженную глину перекрывает слой плотной насыпной глины той же мощности. Между слоями обожженной и насыпной глины просматривается прослойка золы с углями 0,1—0,15 м. Следы деревянных конструкций не выявлены. Т. о. внешний вал возведен в рамках выявленных Т. Н. Никольской традиций верхнеокских городищ. Высота вала 1,5 м, ширина подошвы насыпи — 12 м. Полное отсутствие находок в разрезе не позволяет уточнить датировку возведения вала.

Ров перед валом II почти полностью заплыл черноземом. Дно рва корытообразное, глубина 0,6 м при ширине 2,1 м.

С запада к Оке вал II не доходит до берегового обрыва и не имеет перед собою рва. В свою очередь внутренний вал I заметно ниже с восточной стороны к склону оврага, а с западной стороны даже частично спускался по береговому склону.

Чтобы попасть на мысовую площадку городища, было необходимо по межваловой площадке обогнуть всю напольную часть поселения с запада на восток, повернувшись правым боком (обычно не защищенным щитом) к внутреннему валу I.

В данном случае, вероятно, налицо использование системы известного со времен крепостей бронзового века «коридора смерти» или «захаба» более поздних древнерусских крепостей.

Межваловая площадка не имеет культурного слоя. Отсутствие жилищ или других строений на ней, можно предполагать, также обусловлено системой обсыпки городища.

Вал I раскапывался три сезона. Исследована западная часть насыпи от склона к Оке, до наивысшей точки вала (одна треть протяженности). Площадь раскопанной части вместе с трассированным береговым склоном к Оке достигла 500 кв. м.

Выявлены три этапа возведения внутренних укреплений городища.

На I этапе мысовая площадка защищалась двумя рядами частоколов, сходящимися у западного склона мыса. К частоколам примыкали строения плетневой конструкции с обмазкой из глины, обожженный кусок которой с отпечатками прутьев является частой находкой в нижнем слое вала. Данная конструкция была возведена на материковой глине и погибла от пожара. О силе огня говорит прослойка до 0,2 м обожженной глины по поверхности материка.

Помимо частоколов, мысовая площадка защищалась рвом глубиной до 0,8 м и шириной до 2 м.

На II этапе, после пожара, по старому периметру укреплений из насыпной глины был возведен вал высотой до 1,2 м и шириной от рва до внутреннего края подошвы 12 м.

На III этапе насыпь вала была усилена подсыпкой с внешней стороны слоем светло-желтого суглинка, перекрывшего ранний ров I. Высота вала достигла 1,7 м, гребень вала сместился на 1 м к северу.

Выявлено 400 стобовых ям диаметром 0,15—0,30 м, являющимися, вероятно, следами конструкций, предохранявшими насыпь от оползаний. Почти все они расположены за линией бывших частоколов.

Золистый слой под насыпью II этапа, образовавшийся после пожара, содержит незначительное число фрагментов как верхнеокской керамики 2-й пол. I тыс. до н. э., так и керамики 1-й пол. I тыс. н. э., что не дает возможности датировать этапы.

На третьем этапе перед валом был выкопан неглубокий: 0,5—0,6 м — ров II, повторяющий очертания раннего рва I.

Т. е. по основным элементам: возведение на месте укреплений предшественников, сравнительно неплотная структура слоев, наличие деревянных конструкций — вал I выпадает из общепринятой схемы Т. Н. Никольской (в отличие от внешнего вала II), хотя, как говорилось выше, датирующий материал — керамика — не выводит сооружение за хронологические рамки раннего железного века.

Неожиданно интересные результаты принесла трассировка верхней части склона мысовой площадки городища от западного окончания вала I к Оке на юг к оконечности мыса.

Выявлена система обсыпки, состоящая из канавы частокола по верхнему краю площадки к Оке и трех параллельных канав по склону. Разная высота стенок канав на склоне говорит о наличии оборонительных сооружений типа наклонного палисада к реке — элементы «косого острога» русских крепостей XIV—XVI вв. При этом канава частокола по верхнему краю площадки явля-

ется продолжением частокольных канав под валом 1, являющихся, несомненно, самыми ранними следами укреплений поселения. Культурный слой трассированного участка, при незначительной мощности: 0,1—0,25 м — содержал довольно много фрагментов керамики верхнеокского и мощинского типов, что не позволяет уточнить датировку сооружений, однако керамика позже сер. 1 тыс. н. э. не выявлена.

Данные укрепления, несомненно, располагались по всей верхней части склона городища к Оке (трассирован участок протяженностью 20 м). Возможно и противоположный склон мыса к оврагу был так же укреплен.

Следует отметить, что подобные оборонительные сооружения не были выявлены по Верхней Оке ни по городищам верхнеокской культуры сер. 1 тыс. до н. э. — рубежа н. э., ни по укрепленным поселениям «мощинской» культуры. Схожие укрепления обследованы А. Е. Алиховой на городище юхновской культуры Курского Посеймья Кузина Гора.

С. Е. Компанец

«КАЛУЖСКИЙ НЕКРОПОЛЬ»

Калужская область чрезвычайно насыщена памятниками истории и культуры. Часть их музеефицирована, часть реставрируется, часть используется под учреждения. Но вот те памятники, которые можно условно отнести к «Калужскому некрополю», остаются вне сферы научного интереса. Определенно своеобразны кладбища в Калуге, Боровске, с. Щелканово и других исторических местах области. Ярким примером может служить Боровский район и в первую очередь Пафнутьев-Боровский монастырь. Лапидарная коллекция музея включает интереснейшие надгробия и фрагменты со своеобразной техникой начерка, эпитафиями, орнаментами. Интересны и исторические фигуры, чьи имена начертаны на надгробных плитах: Репнины, Курлятевы и др. Внимание заслуживает и, вероятно, сохранившийся некрополь, не тронутый раскопками со времен работ И. Машкова в 1912 г. При планомерных работах по вскрытию захоронений может быть получен богатый материал, важный для изучения общего вида средневекового некрополя, его планировки, обряда захоронения. Не меньший интерес представляет и некрополь XIX—XX вв. в монастыре. Его изучение (к сожалению только по списку погребенных) позволит судить о круге вкладчиков, традиционных родовых связях с обителью.

Необычно и, возможно, уникально кладбище XIV—XVIII вв. в с. Николо-Лужицком. Некрополь включает характерные для XIV—XV вв. валуны с высеченными на них крестами. Некрополь нуждается в более внимательном изучении. Вне сферы научного интереса остается и так называемое «записное кладбище» старообрядцев в г. Боровске, обладающее интереснейшими памятниками XVIII—XX вв.

Вышеуказанные сведения относятся к одному только району, но есть и сама Калуга с ее монастырями, такие древние города как Мосальск, Мещовск, Серпейск; сохранились еще остатки древних монастырей. Работа в этом направлении предстоит огромная, но и благодарная. Любое вновь открытое надгробие XV—XIX вв., каждое вновь открытое историческое кладбище открое для нас новые, давно забытые имена, позволит более конкретно определить своеобразие области в прикладном творчестве, развитии письменности.

В. И. Осипов

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ 1621 и 1624 гг. ц. МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА ПАФНУТЬЕВ-БОРОВСКОМУ МОНАСТЫРЮ

В июле 1610 г. войска Лжедмитрия-II захватили Пафнутьев-Боровский монастырь и сожгли его. В огне сгорел и весь монастырский архив, где хранились жалованные грамоты за вторую пол. XV—XVI вв.

Укрепившись на Русском престоле, правительство Мизаила Романова начало проводить учет земельного фонда. В царской грамоте от 10 февраля 1618 г. указывалось на необходимость составления новых жалованных грамот взамен пропавших во время разорения. Была образована комиссия, ведавшая пересмотром грамот. С 1620 г. начинается пересмотр и выдача новых жалованных грамот. 2 февраля 1623 г. в царском указе предписывалось: «собрать со всего Московского государства у митрополитов и у архиепископов, и у всех монастырей у архимандритов и у игуменов... прежних великих государей жалованные, тарханные и односрочные судимые и несудимые грамоты...

А в которых монастырех прежних государей жалованные грамоты в разоренье от польских и от литовских людей и от русских воров пропали, или которые грамоты згорели и про то они государи велели обыскати всякими сыски накрепко; а по обыскам в те монастыри указали государи давати свои государя жалованные грамоты против иных монастырей».

В Центральном государственном архиве древних актов в фонде «Грамоты Коллегии Экономии» хранятся две ранее не исследованные жалованные грамоты ц. Михаила Федоровича, выданные Пафнутьев-Боровскому монастырю в 1621 и 1624 гг. (ЦГАДА. Ф. 281. ГКЭ. Оп. 5. № 16/614; № 17/615).

Сначала, 22 ноября 1621 г. на основании дозорных, переписных, писцовых книг была дана новая жалованная грамота монастырю, а 25 февраля 1624 г., после вторичного пересмотра первой грамоты, выдана вторая. Новая и старая грамоты возвращались Пафнутьеву монастырю «впредь для спору». Жалованные грамоты 1621 и 1624 гг. были переутверждены 8 мая 1670 г. ц. Федором Алексеевичем за подписью дьяка Семена Кудрявцева и 12, 14 октября 1684 г. царями Петром и Иваном Алексеевичами за подписью дьяка Григория Посникова.

Эти грамоты являются основным источником по изучению владений и хозяйства, обязанностей и привилегий Пафнутьев-Боровского монастыря в первой четверти XVII в.

В этот период Пафнутьев-Боровский монастырь имел вотчины в 12 уездах Русского государства: Боровском, Малоярославецком, Тарусском, Серпуховском, Оболенском, Медынском, Дмитровском, Каширском, Старицком, Московском, Звенигородском, Тверском. В этих уездах насчитывалось 5 сел, 16 селец, 21 деревня, 280 3/4 пустошей, 2 селища, 1 погост (см. табл. 1). Нет возможности определить количество всей земли, находившейся во владениях монастыря, т. к. данные только по трем уездам: Боровскому, Малоярославецкому, Тверскому. В этих уездах земли пашенной и непашенной — 2787 четей, леса — 196 десятин. Сена накашивалось до 962 копен (см. табл. 2).

Таблица 2

Количество земли, леса, сена в Пафнутьевом монастыре в первой четверти XVII в.

Уезд	Пашня (чети)	Лес (десятин)	Сено (копна)
Боровский	2062,5	174	697
Малоярославецкий	427	—	—
Тверской	297,5	22	265
	2787	196	962

По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг., у Пафнутьев-Боровского монастыря имелись рыбные ловли в Боровском, Серпуховском, Каширском и Московском уездах. В Боровском уезде рыбные ловли имелись на р. Протве от г. Боровска до сельца Кривское. 2 пруда находилось возле пустошей Пущиной и Беницы; на р. Нара возле сельца Котово на 8 верст. В Серпуховском и Каширском уездах имелись рыбные озера — Долгое и Борисовское. В Московском уезде монастырские рыбные ловли шли по р. Истра от пустоши Мухиной до пустоши Грбовой, расположенных возле д. Ивановская.

Не маловажную роль в хозяйстве Пафнутьев-Боровского монастыря имели дворовые места, находившиеся в Боровске, Москве, Серпухове, Калуге.

Кроме этого, в г. Боровске за монастырем значилось 3 слободы (Мякишевская, Мельничная, Высоковская) и 2 погоста (Никольский и Сретенский). В слободах находилось 20 дворов служебников.

По жалованным грамотам 1621 и 1624 гг. Пафнутьев монастырь имел ряд привилегий. Монастырю разрешалось не принимать участия в государственных постройках, «не стоять на яме с подводами, и на ям охотников не выбирать», тюрьмы городские не ремонтировать, не давать сторожей, целовальников, не молотить и не возить царский хлеб, амбаров ямчужных не делать и ямчюги не варить. Лес монастырский охранялся: за его порчу полагался штраф 2 рубля. Монастырю разрешалось варить вино к праздникам и к свадьбам монастырских крестьян. Игумен имел право держать свое «пятно» — клеймить лошадей, коров и т. д. Освобождался монастырь и от пушечного дела: ему разрешалось не делать волоков, кольев, саней, канетов, льна, смолы, уголья

Таблица 1
Владения Пафнутьева монастыря в первую четверть XVII в.

Уезд	Села	Селища	Деревни	Пустоши	Селища	Погост
Боровский	—	5	6	87	—	—
Малоярославецкий	—	1	1	2	—	—
Серпуховской	—	1	1	—	—	1
Оболенский	—	1	—	28	—	—
Тарусский	2	2	4	1	—	—
Медынский	1	—	—	7	—	—
Дмитровский	—	—	2	—	—	—
Старицкий	—	1	1	12	2	—
Тверской	—	—	—	22 3/4	—	—
Московский	—	4	4	52	—	—
Звенигородский	—	1	—	69	—	—
Каширский	2	—	2	—	—	—
	5	16	21	280 3/4	2	1

и т. д. Монастырю разрешалось без пошлинно покупать на свой обиход «опричь соли на пятьсот на тритцать на пять рублей». Игумен в своих вотчинах сам судил крестьян «опричь душегубства и разбоя и татьбы с поличным». А если возникал спор, то судили монастырских людей на патриаршем дворе в год три раза: «на Рождество Христово, да на Троицын день, да на Семен день летопроводца».

Но Пафнутьев монастырь нес общегосударственные повинности: платил ямские деньги, за стрелецкие хлебные запасы, городовое и острожное дело.

Благодаря политике, проводившейся первыми Романовыми, Пафнутьев-Боровский монастырь смог к середине XVII в. восстановить свое хозяйство, разрушенное в Смутное время.

В. П. Есипов

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ 1988 г.

В ДЗЕРЖИНСКОМ РАЙОНЕ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1988 году под археологические разведки были выбраны участки нижнего течения р. Шани, при впадении в нее р. Суходрев, около населенных пунктов: Кондрово — Старое Уткино — Никольское. Другой район разведок приурочен к среднему течению реки Большой Березуй, около населенных пунктов: Бышковичи, Щуплово, Волохово, Троскино. Эти участки геоморфологически приурочены к широким участкам долин вышеупомянутых рек. Была сделана попытка детально обследовать площади в несколько квадратных километров.

В результате проведенных исследований было выявлено в нижнем течении р. Шани, около населенного пункта Старое Уткино и устьевой части долины р. Суходрев четыре селища и курганная группа. Около н. п. Волохово обследовано три селища и одно — у села Бышковичи; а у д. Николаевка — городище XIV—XVI вв., выявленное автором статьи еще в 70-х годах. Геоморфологически восемь из девяти селищ приурочены к первым надпойменным террасам рек Шани, Суходрев, Большой Березуй. Мощность культурного слоя изменяется от 0,1 м до 0,6 м.

Все поселения района н. п. Старое Уткино относятся ко 2-й пол. I тыс. до н. э. — 1-й пол. I тыс. н. э.

Культурные слои селищ н. п. Бышковичи — Волохово содержат в основном гончарную керамику позднего средневековья (XIII—XVI вв.). На всех этих поселениях встречена в очень

ограниченном количестве серо-бурая лепная керамика. По аналогии с известными памятниками археологии нижнего течения Угры она относится к нач. I тыс. н. э.

В 1 км к юго-востоку от н. п. Николаевка, на высоком мысу правого коренного берега р. Б. Березуй расположено городище. Река в этом месте сильно меандрирует (русло делает несколько резких излучин).

Площадка городища находится на высоте 23—28 м над урезом вод реки. На поверхности городища хорошо выраженные углубления, по-видимому, это места жилищ. Площадка городища с севера, с напольной стороны, ограничена рвом и валом. Высота вала со стороны рва до 3,5 м.

Значительного культурного слоя на поселении не встречено. Возможно, это была пограничная крепость Московского княжества. По подъемному материалу, городище можно условно датировать XIV—XVI вв.

Во многих договорных и духовных грамотах на рубеже XV—XVI вв. между городами Апаковым (с. Палатки Юхновского района) и Людимеском (с. Гришово Бабынинского района) упоминаются населенные пункты: Березуевск, Залидов, Жулин. В конце XV в. — нач. XVI в. часто упоминается Лучин Городок с припиской «коли царь был на Угре», привязка этого поселения к какому-либо из известных городов на Угре в летописях отсутствует.

Возможно, что одно из вышеперечисленных поселений, связано с городищем у н. п. Николаевка.

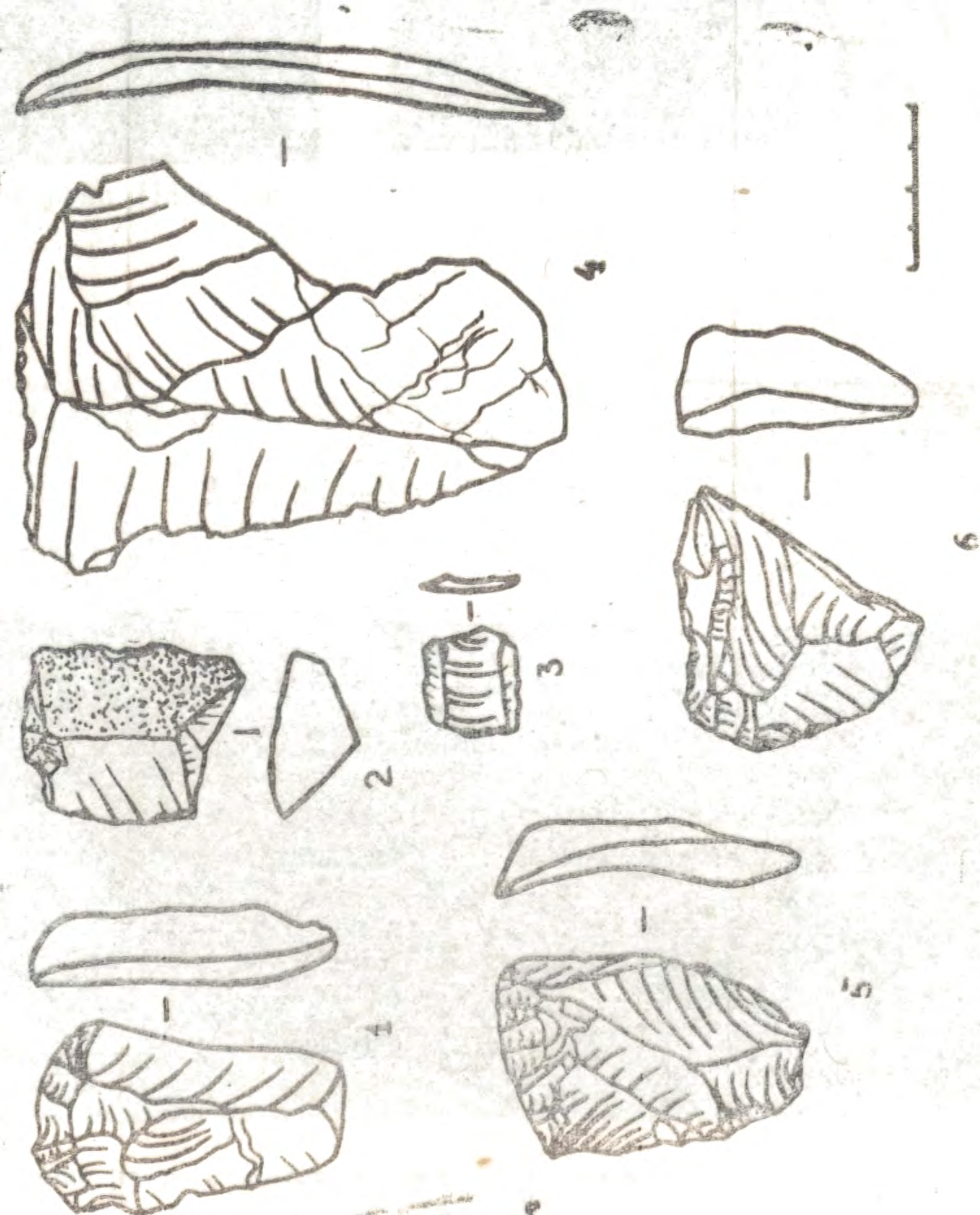

Медаль наградная Первой Всемирной выставки. 1851 г. Реверс.

Медаль наградная Первой Всемирной выставки. 1851 г. Аверс.

Орудия эпохи мезолита
со стоянок близ д. Прудки

- Стоянка 1.
- Стоянка 2.
- Стоянка 3.
- Стоянка 4.
- Стоянка 5.

Скрепки — рис. 1, 2, 5, 6

Скобель — рис. 4

Микролит — рис. 3

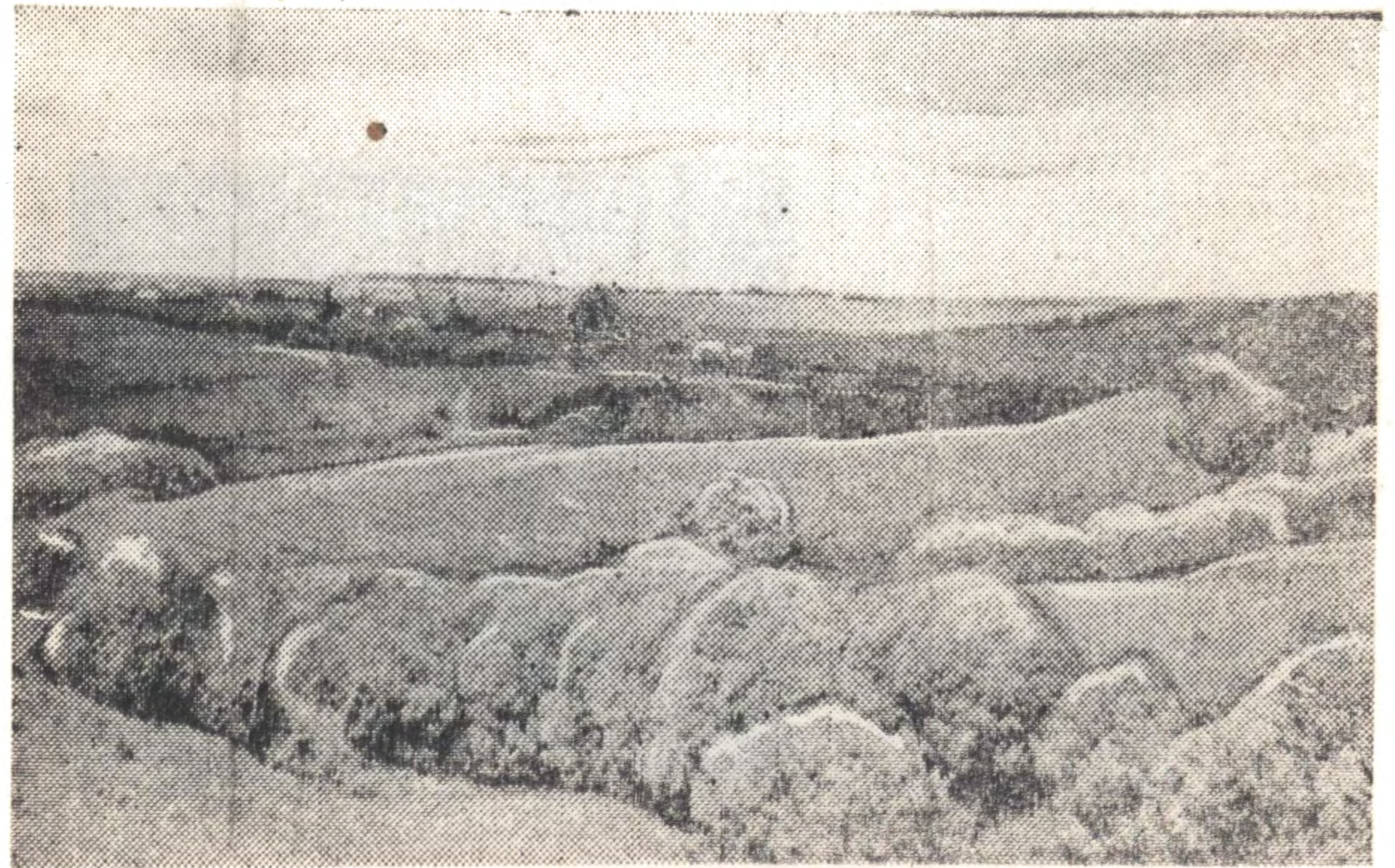

И. Д. Четыркин (1846—1904).

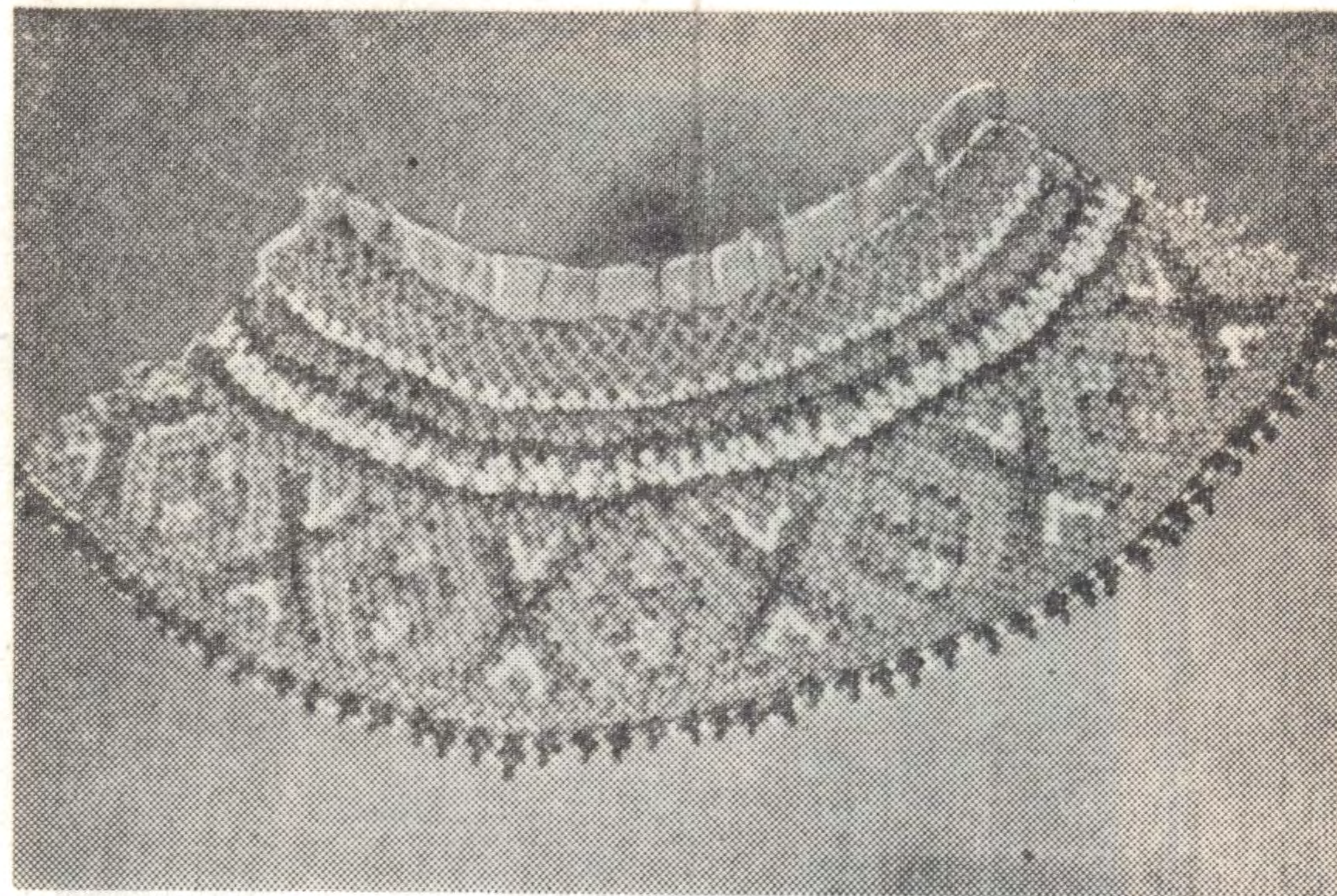

Л. Кавелин (1822—1891)

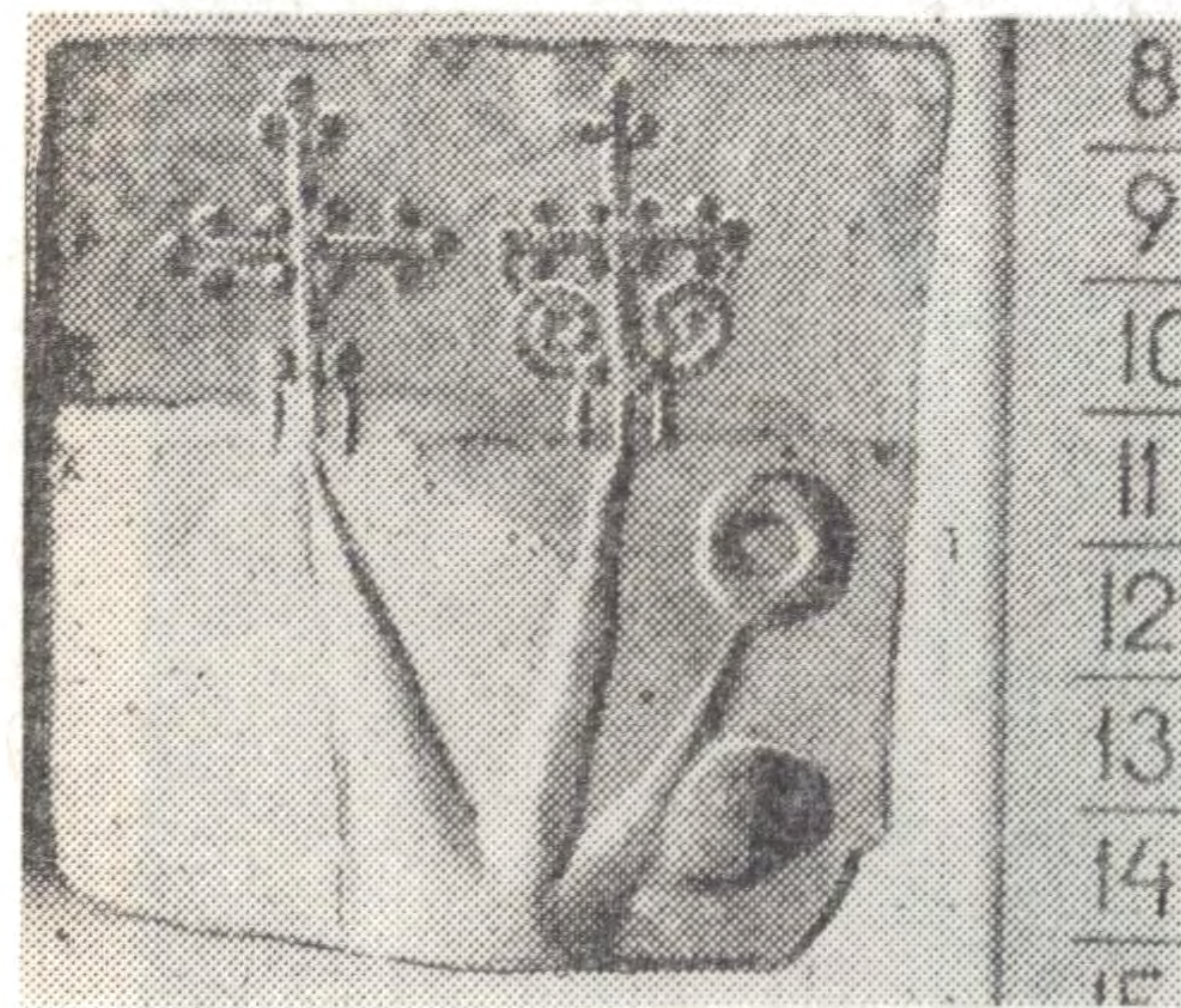

Городище раннего железного века у д. Плюсково Козельского района
Калужской области.

Женское нагрудное украшение «борода». 2-я половина XIX в.

Древнерусская литейная формочка из Серенска.

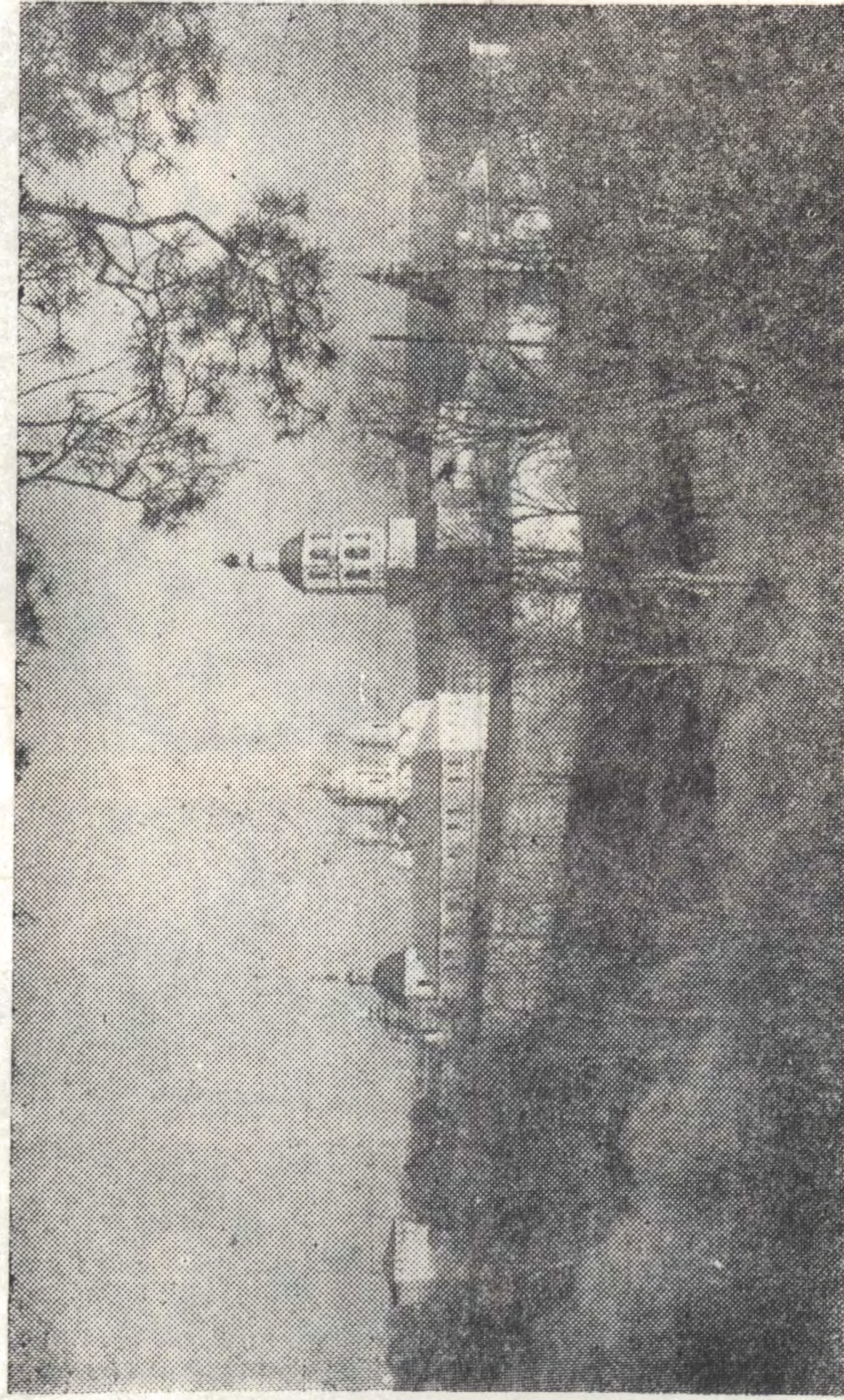

Монастырь в Боровском уезде

Монастырь в Боровском уезде

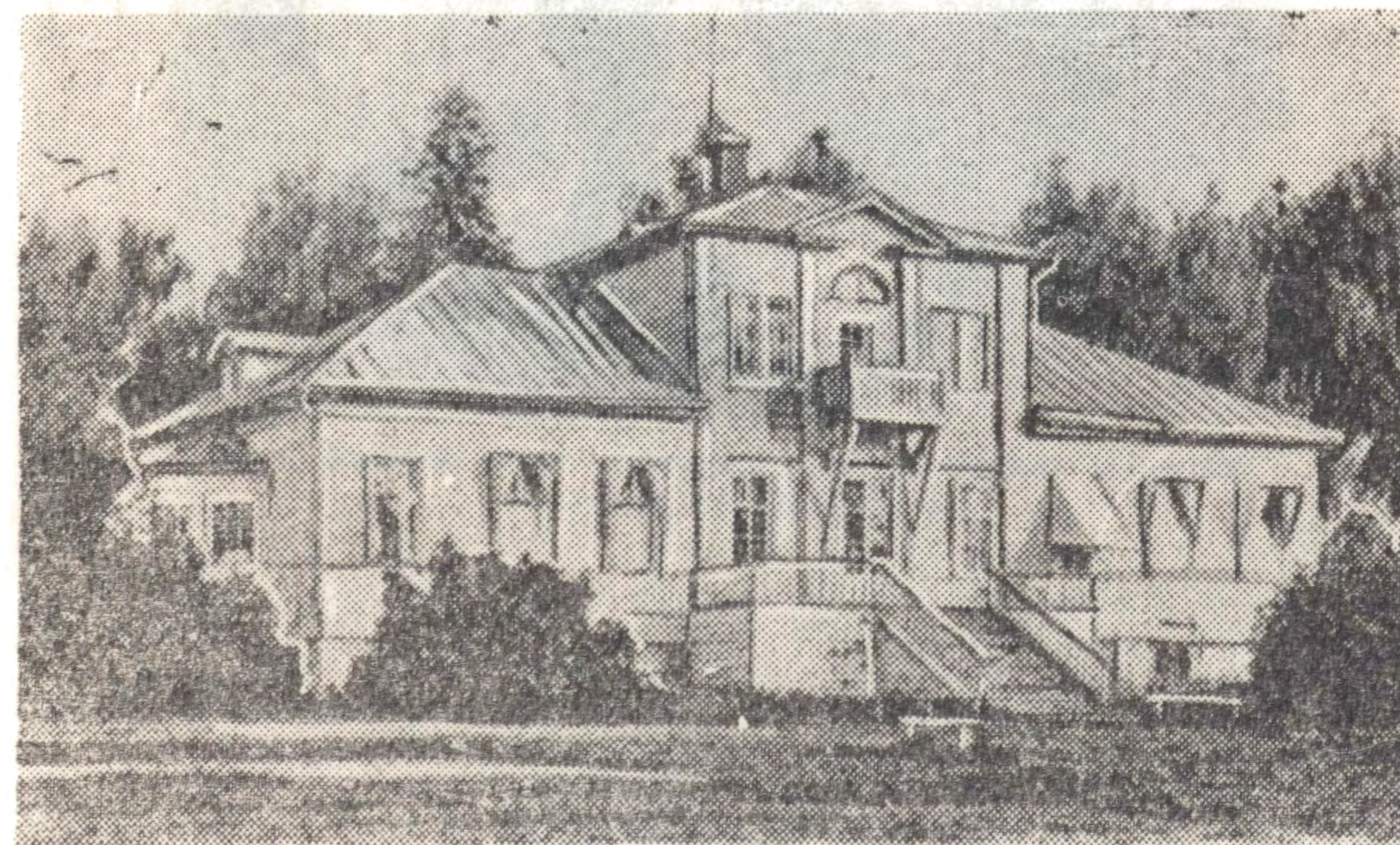
Общий вид Пафнутьева Боровского монастыря

Монастырь в Боровском уезде

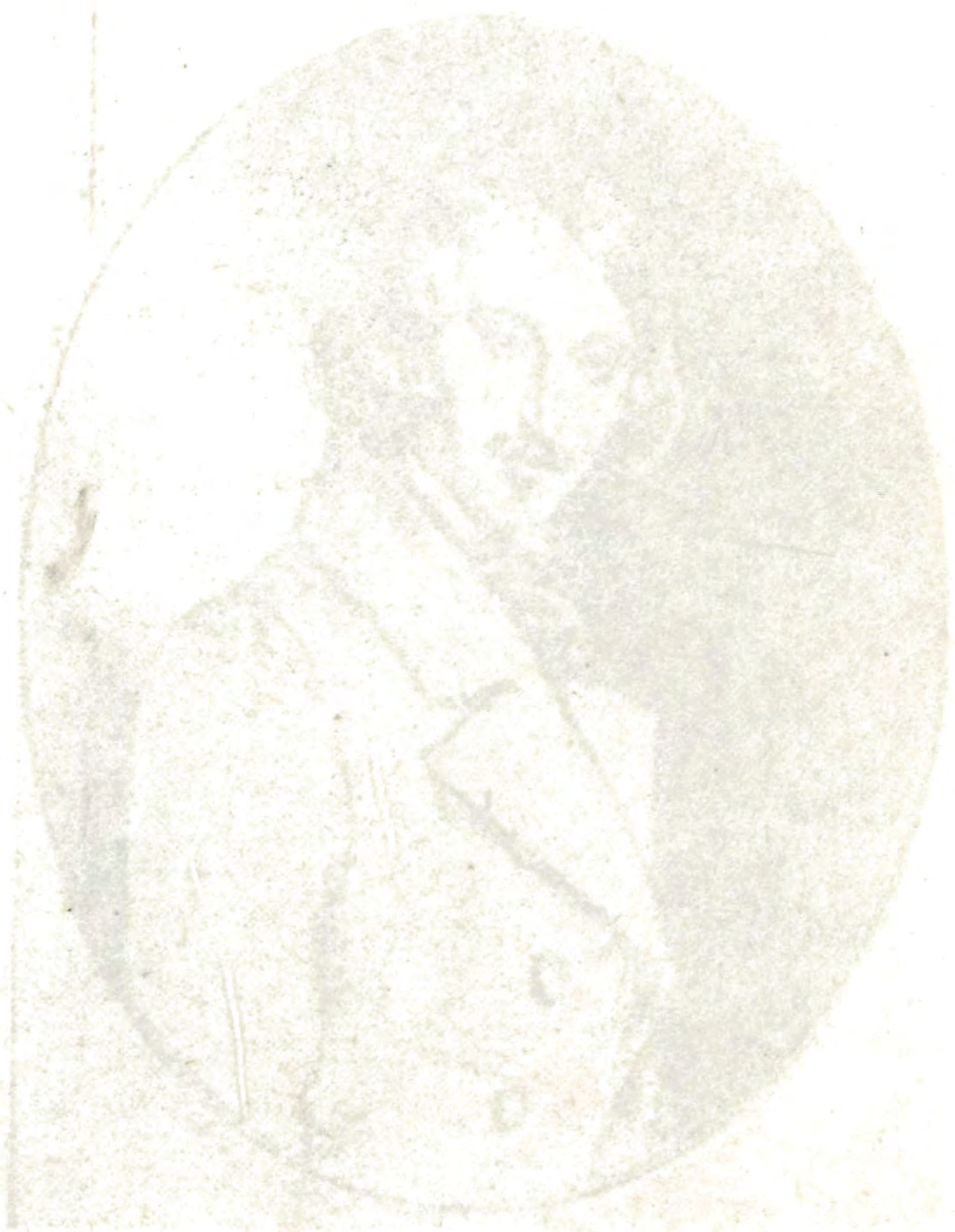

Н. В. Гоголь.

Дача губернатора в Загородном саду, где бывал
Н. В. Гоголь.

Н. С Кашкин, один из первых авторов земских проектов
калужского дворянства.

Генерал-майор Иван Иванович Яковлев

Зак. 391

Тир. 1000

Малое государственное предприятие «Типограф»

